

▲Начало

Ка-арис:

Я вбежала в комнату, уже почти ничего не видя, не осознавая, не понимая.

Кровать – самое надежное средство от детских обид. Я всегда пряталась там, зарывшись под одеяло, когда злилась. Вот только когда мне было хоть немного страшно, я мчалась через весь дворец к отцу. Мчалась как ветер, чтобы страх не успел меня догнать...

И я находила отца, где бы он ни был. Он обнимал меня, прижимал к себе, и все страхи отступали, все обиды уходили. Становилось тепло, уютно, надежно, и я верила, что так будет всегда. Мы же долгоживущие. Папа – вечный, он все время будет рядом. И мама...

Но я ошибалась... И сейчас мне очень-очень страшно, а бежать – не к кому.

Синдр:

Не знаю, какой слепень меня в задницу укусил, но вместо того, чтобы пойти от матери напрямки, по утоптанной тропинке, мне приспичило подняться на небольшой пригорок. Прямо вот словно ноги сами потащили заглянуть за другую сторону огромного, склизкого, покрытого мхом валуна. Ну или захотелось активно милующихся квакш пугануть.

А то прямо идиллия у них... аж завидно.

Вот когда мой папаша-орк, под три метра в высоту и два метра в плечах, мою мамку-тролляку ростом метр с кепкой в кустах заваливал, о чем он думал вообще? Как у них вышло что-то, до сих пор понять не могу, у него ж... как ее рука!

Иех! Мне о таком только мечтать!..

Но, главное, всем назло, у матери внутри зародился я, и эта героическая женщина меня выносила.

Вот за одно это ее любить готов – семь месяцев таскать в пузе еще одну треть самой себя по размерам! И ведь знахарка, готовая от приплода помочь избавиться, под боком была. Но мать у меня психованная... в смысле, эта... самоотверженная! Выносила и родила.

Только на этом ее страсть к подвигам закончилась, и меня, всего такого нарядного, в корзиночке оставили у входа в шатер отца. То-то наутро все его девять жен возрадовались, узрев тролльего подкидыша!

Они там между собой до сих пор дерутся, очередь выдумывают, чуть ли не номерки на ночь разыгрывают. А папаша мой то к мамке бегают, то к кикиморе какой-то, то еще куда-то на сторону – я в его бабах запутался давно. Главное, все от земли в прыжке до маковки достать... Вкус у него такой, странный.

Мне, наоборот, орчанки нравятся, да только я им всем в пупок... ну ладно, прямо в сиськи носом упираюсь. А грудь у них у всех как кулак... отцовский. Утыкаться одно удовольствие. Да только кто ж мне даст?! Никто...

Для троллек я крупный страшный орк, для орчанок – мелкий страшный тролль.

И тут квакши на валуне!.. Милуются! Чтоб их кикимора сварила!

А меня вчера Келда очередной раз на обе лопатки уложила, когда я к ней попытался подкатить. Но уже не смеялась и букет взяла.

Все же права мать – женщины в любом племени до цветов и внимания слабы.

Шириной плеч я, может, и не вышел, клыки тоже так себе... едва заметные. Позор, а не клыки!.. И волосы на голове не брею, потому что иначе толстого хвоста на макушке, как у остальных орков, не выходит. Приходится все что есть стягивать, чтобы хоть издали народ не пугать. Тонкий у меня волос для орка... И цвет волос не темно-зеленый, а черный, как у троллей. Зато кожа не нежно-оливковая, а серо-зеленоватая. И уши, хоть и заостренные, но не вытянутые вверх, а обычного размера, с ладонь.

Пусть для орчанок я – страшный низкорослый слабак, зато мать у меня – кладезь мудрости, а бабка – знахарка... поэтому в кармане лежит зелье приворотное, для Келды.

Доза как на два десятка троллей рассчитана, но зато на седмицу должно хватить. Главное – придумать, как бы в нее его влить тишком. Куда б подмешать... и со стыда не сгореть.

Но уж очень Келда красивая! А главное, я ж ее не в шатер к себе зову – на такое она точно не согласится, даже если я ее в приворотном зелье искупаю. Просто... хочу!.. А там, может, и до шатра договоримся.

Те орчанки, которых мне уже удалось уговорить, безо всякого зелья, вроде не жаловались. Даже иногда еще прибежали, но тишком. Хвастаться, что спят со старшим сыном вождя,

никто не
стремился почему-то...

Квакши, возмущенно выкрикивая свое «ква-а-а», спрыгнули с валуна и упрыгали прочь, и я уже тоже прочь идти собрался, как вдруг увидел... чудовище?!

Страшная, тощая, белая... и волосы белые, и кожа!.. Даже не по себе в первый миг стало. Я тут хожу страдаю, что рожей и ростом не вышел, а мне под ноги такой кошмар... чтобы не был и богов не гневил, не иначе.

Часть первая

Глава 1

Синдр:

Я почти на минуту застыл, озадаченный увиденным, но потом все же решился. То, что лежало на мху, было, конечно, страшное, вернее – непривычное, бледное, как нежить. Но при этом нежить была вполне себе живая и даже постанывала едва слышно. Поэтому бросать ЭТО помирать жалко.

– Пить! – Судя по уцелевшей рванине, едва прикрывающей тело, ЭТО все-таки было женского рода, и голос тоже на девчачий похож. Красивый голос, хотя и похрипывает немного.

Пить... вот в чем я тебе пить принесу?! У меня во фляге зелье для Келды и планы, между прочим! И на Келду, и на флягу, и на зелье...

– Пить!

Да чтоб тебя леший заплутал!

Слева от валуна болотце начинается, старенькое, вода отстоявшаяся, перебродившая еще до рождения папаши моего, так что пить ее можно без опаски. И лесное озерцо есть неподалеку, а то мало ли, с болотинки животом замается?

Только вот это бессознательное не лицом же в ряску макать? И до озера пройти вперед и вправо надо. А до матери с бабушкой назад, по тропе, минут двадцать бегом. За это время ее «Пить!» мне всю душу наизнанку вывернет. До отца ближе, но такое бледное и болезненное лучше к бабушке.

– Пить!..

Кикиморы тебя сварят...

Оторвал от остатков одежды страдальницы кусочек – все равно там рвань сплошная, на ближайшую моховую кочку нажал и в ямку тряпочку опустил. А потом девчонке прямо на губы выжал. Они у нее такие же бледные, почти с кожей сливаются... но хоть язык розовый. Слизала им всю воду и опять за свое.

Раз на десятый я умаялся. Сварит бабка еще зелье...

Выплеснул все из фляги в ту самую ямку, из которой воду брал, и побежал к озерцу. Флягу ополоснуть же надо как следует, а то мало ли что?!

Торопился как мог. Отмыл, воды набрал, обратно прибежал... и на валун задницей так и присел.

Эта немощь бледная, пока меня не было, оклемалась немного, в себя пришла и пить поползла! Угу... Из ямки с зельем.

У меня прямо так и обмерло все. Зелье ж... приворотное... на два десятка троллей рассчитанное.

Ух, как я побежал! Подхватил на руки эту поганку и помчался к матери с бабкой сломя голову. Даже разбираться не стал, подействовал приворот или нет. Может, она в меня вцепилась, чтобы ее ветром на бегу не сдуло? Легкая же, как перышко!

У входа в мамину норку – а как по-другому мне с моим ростом называть тот шалашик, в котором она жила вместе с бабушкой? – я поставил бледную пакость на землю, убедился, что стоит сама, без моей помощи, и принялся осторожно выстукивать по дереву секретный пароль.

– Это ты что такое из лесу притащил, ирод?! – Первой из норы вылезла бабка и уставилась на поганку во все глаза. А та – на нее.

При всем уважении к родне по маминой линии, немощь хоть ростиком была повыше, но зато как былиночка, в отличие от коренастой старой троллихи.

– Под валуном валялась, – признался я.

– И что, ты теперь к нам всякую пакость тащить из лесу будешь? Грязное, тощее, бледное... Прям нежить лесная.

– Ну не красавица, согласен. – Я небрежно пожал плечами, стараясь не замечать пристального

взгляда голубых, как яйца дрозда, глаз поганки. – Но ты ж знахарка...

– И с чего это вдруг мне на это убожество отвары свои тратить? Это ж еще кормить надо, наверное?!

Нет, бабка у меня не злая и даже не жадная, просто характер у нее суровый, как и у мамки. Та легко поварешкой по лбу приложить могла, при том что ей для этого на цыпочки вставать приходилось. А как совсем перерос, так новый способ придумала. Заметит что или надумает, буркнет недовольно: «Наклонись...» И я, как лопух последний, на такое долго велся. Ведь иногда ж и правда что-то показать хотела, а иногда с разворота по лбу – и давай отчитывать...

И тут убожество ко мне шагнуло, обняло, прижалось, потом голову закинуло и в глаза уставилось. А взгляд влюбленный такой... Я почти поверил, удивился даже, а потом вспомнил – зелье ж! Да такое мощное, что орчанку на семь дней под меня уложить должно было. Думаю, чахлу эту на год срубило, не меньше.

– Ты красивый, – объявила она мне и по клыкам погладила. Издевается? Им до красивых расти и расти... и ведь не вырастут уже, все.

– Поцелуй меня! – а в голосе сталь звенит, и говорит так, словно с детства только и делает, что приказы всем раздает.

Я даже опешил немного от такого напора. Может, ей зеркало принести, чтобы на себя полюбовалась? Поцелуй ее... Доска-доской, да еще и бледная. Но глазища большие, сверкают, а цвет с голубого на стальной сменился, и губы вроде розоветь начали.

Тут терпение у чахлы закончилось, она меня прямо за оберег к себе притянула и сама поцеловала. Вот так же, как говорила, – властно и без сомнений, что я посмею отказать. Меня до жара в паху проняло, причем больше от ее уверенности, чем от самого поцелуя. Все мысли о зелье из головы вылетели, только не просто так, а прямо бабке моей в голову. И прямо вот в такой замечательный миг она первой попавшейся ей под руку палкой мне чуть ниже поясницы с размаху как выписала!..

– Ты что ж... в тростиночку эту все мои труды влил? Да ей понюхать бы хватило! Изверг окаянный, лешие тебя забери! Весь в отца – большой, тупой и озабоченный! Да о чем ты думал, орясина

безмозглая?!

– Что тут за шум? Синдр, ты ж к отцу пошел... А что это за девушка?

Ну все, теперь точно живым не уйду. Это я и правда не подумал, что они все против меня объединятся, поганку спасти хотел. А бабы сейчас меня виноватым во всем и везде выставят, да еще и драться уже начали!

– С болота притащил, красавчик наш, жабу-царевну... Приличных девушек ему не надо, нам бледность бестелесную подавай! И зельем приворотным ее опаивай. Бестолочь у тебя сын!

– Ма, сама она зелье выпила! Я за водой нормальной к озеру побежал, а она оклемалась и из болота давай пить, а я туда как раз все зелье из фляжки...

– Я, значит, ночь не спала, варила-пыхтела, а ты все мои труды в болото?! Лягухам да трясинницам?! Квакшам да лешим?! Ах ты...

Нет, бабка, конечно, правильно разозлилась... Но теперь седмицу точно на глаза ей являться нельзя – прибьет. Так что я мамке рукой помахал и рванул по тропинке, к отцу.

Бегаю я быстрее и пробежать могу долго, так что отсижусь у папаши пару-тройку деньков, потом сунусь проверить, как оно. Отпустило их всех тут или нет. Как раз к тому времени поганку откормят и выходят, станет на приличную девку похожа. И зелье, может, выветрится слегка, или бабка каким отворотным ее напоит, чтобы полегчало.

В шатер отцовский я влетел так, как будто за мной не одна старая троллиха, а толпа молодых леших мчалась. Не рассчитал я, что бабка настолько разозлится, – почти на пятки мне всю дорогу наступала, шишками кидаться в спину успевала и орала при этом на весь лес, так что теперь вся деревня орков про мои подвиги знает.

Хорошо хоть, не про зелье, а про то, что я, орясина безмозглая, девку на болоте подобрал и не к себе в шатер повел, а им с матерью подкинул, бесстыдник и последыш оровичий...

Так что и десяти минут не прошло, как папаша появился, посмотрел на меня хмуро и объявил:

– Одно дело, когда женщина сама в твой шатер идти отказалась, как твоя мать, и совсем другое, когда ты женщину бросил, да еще и на материнскую шею. Не бывать такому, чтобы мой сын от

ответственности бегал. Так что строй себе отдельный шатер и забирай в него свою женщину.

Нечего меня на весь клан позорить!..

Хорошо хоть, не сразу выставил, переночевать разрешил. А с утра, даже позавтракать нормально не дав, выпинал строительством заниматься.

Вот не так я собирался свой шатер возводить, не с таким настроем. Я о Келде как первой жене мечтал. Но теперь-то мне уж точно ни от одной орчанки не обломится – кто ж захочет второй женой пойти, когда первая – найденыш болотный без роду и племени, да еще страшенькая, без слез не взглянешь. Спас, называется..

А главное, никому ж теперь ничего не докажешь! Бабка злая, как ее подгорные предки, за то, что я зелье в болото вылил. Девчонка, зелья напившаяся, как только узнает, что я ее в жены беру, опять целоваться полезет... Не признаваться же мне, что я Келду опоить хотел, а досталось все этой пигалице? Вот весело будет, когда действие отвара закончится и поганка эта в себя придет!

Отец на орочьего последыша оскорбился, не иначе, так что будет на законе настаивать, хотя сам-то... сам своих баб в шатер не зовет!.. Но с мамкой ему и вправду не повезло – послала она его с шатром и местом десятой жены.

Только я-то пальцем немощь эту... ну на руках потаскал... а целоваться она сама полезла! Первая... И теперь выходит, что я, насильно поцелованный, еще и в жены ее за это взять должен?!

Главное, беда в том, что бабка про поцелуй всей деревне сообщила, когда за мной бежала. Громко так!

– Как целоваться при всех – так храбрый, а как за последствия отвечать!..

Это ж я только знаю, что последствия – зелье приворотное, в болото вылитое, а не то, что все подумали!

И главное, сначала я ее в шатер приведу, женой при всех назову, а потом, когда приворот закончится, она прочухается, вспомнит, откуда к нам на болото свалилась, и уйдет.

Нет худшего позора для орка, чем сбежавшая от него жена! Разве лишь признание в том, что собирался зелье использовать, потому что без него женщины тебе не дают.

Так что придется с бабушкой мириться и умолять ее отворотное какое-нибудь варево сделать. А то слишком много позора лишь за то, что одну девку спасти хотел, а вторую... Ну не силком же взять!
И в жены же потом был готов, если б согласилась!

Глава 2

Ка-арис:

Ничего не помню... Вот совсем ничего! Только страх, словно за мной кто-то гонится и надо мчаться, быстро-быстро. Лететь... Почему «лететь», когда я на двух ногах и без крыльев? Но в мыслях сразу четко именно «лететь». Значит, я умею летать? Тогда почему я упала?

Тот большой, что меня нашел, уже третий день не появляется. И хорошо! Боюсь я его – огромный, зеленый, клыки жуткие... Еле-еле себя заставила его поцеловать. Чуть не замутило от отвращения!
Но я себя пересилила, сказала, что «хочу»... А я всегда получаю то, что хочу! И кстати, очень хорошо помню, что обращались ко мне все на «вы», потому что я... Кто?

Кто бы я ни была, но никакие яды на меня не действуют – это в голове осталось. Поэтому, едва в себя неизвестно где пришла, сразу поползла пить, даже не задумываясь, что вода может оказаться грязной, вредной, отравленной...

Вот чего я точно не ожидала, так это дурмана на любовь. Но, если подумать, чудовищу же тоже любви хочется, вот он и попробовал меня к себе привязать. Видела я, как он из фляжки своей в болотную воду яд вылил. Только не вышло у него ничего! Лишь несколько минут дурман действовал. Как раз хватило, чтобы понять, чем именно меня опоили и для чего.
▲Раз любви от меня хочет, значит, точно не обидит. Поэтому я позволила ему взять меня на руки – не босиком же мне за ним идти? Может быть, отнесет к кому-то, кто поумнее?

Наивная! Страшилище, набегавшись по лесу, поставило меня на землю у какого-то шалашика, из которого еще одно чудище выскочило, маленькое, серенькое, ушастое, и давай орать, визгливо так...

Но я все равно внимательно вслушивалась – вдруг удастся понять, куда я попала и как мне выжить, пока память не вернется.

Поэтому, едва речь про отвары зашла, тут же сообразила, кто зеленому монстру дурман приготовил.

И интуитивно решила показать, что действует он, дурман этот. Совершенно не хотелось почему-то выдавать свою тайну про невосприимчивость к любой отраве.

Так что собралась с силами, сначала чудовищу клыки пощупала, чтобы убедиться – острые, аккуратнее надо. Причем странные такие – не сверху, как у вампиров... Ледовые грани, откуда я про вампиров помню? Так вот не такие у него клыки, не сверху вниз, а снизу вверх... неудобные! Но поцеловаться получилось. И глаза у страшилища после этого стали такие... такие... Пусть потом детям и внукам хвастается, что его сама... кто?! Кто я?!

А потом чудовище сбежало, оставив меня на попечении двух маленьких сереньких со смешными длинными острыми ушами, кончики которых висели, как у... зайцев... Точно! Зайцев помню!..

Та серенькая, что помоложе, еще и поспокойнее оказалась. Она меня и покормила, и расспросила. Скрывать мне было нечего, потому что не помню же ничего. Вот про яды умолчала и про полеты. С последним сама сначала разберусь, а потом решу, стоит ли об этом кому-то говорить, или не надо. Мало ли на чем или на ком я прилетела? Вдруг удастся это найти и с помощью него вспомнить, кто я и откуда?

Только шел уже третий день, а в голове было пусто, и еще она ужасно болела, наверное от усиленных попыток вернуть себе воспоминания.

Я жила словно в полузабытьи, причем не только потому, что ничего не помнила, а еще и из-за того, что дико не высыпалась.

Каждую ночь, которую я провела в уютном маленьком шалаше, на мягком матрасе, успокаивающе пахнущем какой-то травой, мне снился один и тот же сон.

Светловолосый мужчина пристально смотрел на меня в упор. И от взгляда его льдисто-ясных голубых глаз меня начинало трясти, как от озноба.

– Ты обещана мне, Ка-арис. Вернись ко мне, Ка-арис. Твое место рядом со мной, Ка-арис.

И почему-то самое пугающее:

– Ты должна стать моей женой, Ка-арис!

Вот после слов о том, что должна стать его женой, я просыпалась с криком, какое-то время сидела,

глядя в темноту, выпивала принесенный старой серенькой женщиной отвар и вновь засыпала,
чтобы опять подскочить от этой фразы...

Не действуют на меня ни приворотные дурманы, ни успокоительные отвары! И если с первым я знала, как притвориться, то со вторым, как ни старалась сделать вид, что мне помогло и кошмар отступил, не получалось.

Утром я заставляла себя встать, умыться холодной водой из ведра, выпить стакан густого сладкого напитка, больше всего похожего на кисель. Еда тут была очень странной – салат из травы с водорослями, бульон из лягушечьих лапок и на второе те же самые лягушечьи лапки, только обжаренные, и еще грибы – жареные или тушеные. Это я с удовольствием ела. А вот от сушеных паучьих лапок, вяленых крысиных хвостиков, маринованных дождевых червей и копченых гусениц вежливо отказалась.

А еще я чуть не выпила «муховой настойки»... Буквально в последний момент заинтересовалась составом и даже успела извиниться, прежде чем выскочила из шалашика.

Продышалась, успокоилась, огляделась... Кругом лес, незнакомый, странный, чужой. И существа вокруг – чужие! Я очень постаралась не заплакать, помня, что... такие, как я, – не плачут.

Но на третьи сутки мне до тоски захотелось вспомнить, где же мой дом, и вернуться.

– Все! Я уже не то что орочью, я уже драконью дозу ей вбухала! Если опять не возьмет... – услышала я перешептывания хозяек шалаша.

▲Поежившись, укуталась в тоненькое, но теплое одеяло, сжалась в калачик и попыталась уговорить свое тело принять успокоительное и дать всем выспаться. Серенькие ушастики, называющие себя троллями, отсыпались днем, по очереди. А ко мне этот мужчина являлся в любое время суток, стоило лишь задремать покрепче.

Зато благодаря ему я знала свое имя. Ка-арис...

– Не шуми, орясина оглашенная! Несколько ночей девка не спала, орет и орет, чисто лешачиха какая!

– Ба, слушай... ты это... ты извини! Я просто не знал, как ее напоить, а она заладила «пить» и «пить», вот я и побежал с флягой на озеро. А зелье в болото вылил, чтобы русалок

не отравить!..

– Да ладно уж... Зелье зря вылил, а девку правильно принес. Не на болоте ж ее квакшам оставлять, болезную такую? Жаль ее, беспмятную.

– То есть как беспмятную? Я вот как раз чего пришел... Может, она того... домой, а? А то отец жениться на ней требует. Я уже шатер построил, теперь вот или ее женой, или отказ пусть скажет при всей деревне. Зелье-то уж скоро отпустит, а меня потом сбежавшей женой всю оставшуюся жизнь попрекать станут! И ни одна орчанка за меня не пойдет, если первой болотная поганка была. Тем более если потом сбежала. Позора на весь клан... Ба, может, ты ей дашь чего выпить, чтобы она прочухалась и домой захотела, а? Я б ее даже проводил!

– Проводил бы он ее... Да не помнит она ничего, кроме имени! Вот совсем ничего не помнит. И отвары ее мои не берут. Странно, что зелье взяло... Сейчас вот первый раз за несколько суток уснула нормально. Уже часов пять спит, как леший зимой. Так я ей дозу вбухала как на дракона!

– Ну значит, подожду, когда проснется, и попробую поговорить. Как думаешь, она же не сразу на меня накинется? Может, удастся объяснить, что не надо ей ко мне в шатер?..

Разговор я этот слышала словно в полусне, а перед глазами мелькали воспоминания. Не кошмары, а реальные. И из детства, давние совсем, и последние...

Странная смерть отца. Танцующая в прощальном ритуальном танце мать... затем летящая вниз, на скалы... и... мой крик, обморок...

А потом ворвавшийся ко мне в комнату Тха-арис. Тот самый мужчина, являющийся мне в кошмарах. И его уверенные слова:

– Я позабочусь о тебе. Ты станешь моей женой!

А затем... полет... долгий-долгий полет, много дней и ночей не обращаясь, теряя все человеческое... забывая все, кроме единственной цели – сбежать! Сбежать от Тха-ариса. Сбежать, оставляя ему все как откуп. Замок, сокровищницу, подвластных отцу людей и драконов. Обычных водяных драконов.

Да, мой долг – продлить род драконов-оборотней, меня с детства к этому готовили. Я предназначена Тха-арису с рождения, как моя старшая сестра – Ра-аброну. И сестра свое

предназначение выполнила уже давно, еще до смерти отца. А я... Я – строптивая, непослушная, упрямая... Я... Я сбежала. Сбежала, чтобы упасть без сил на болоте и забыть обо всем, пока старая троллиха не напоила меня успокоительным отваром, предназначенным для дракона, и ко мне вновь не вернулась память.

И что ж мне теперь делать?

– Девка нам не мешает, но толку от нее никакого. Работать она не привыкла, готовить не умеет, убираться не рвется, в лесных травах не смыслит ничего. Надо придумать, к какому ее делу пристроить можно, просто так в нахлебницах держать не станем, так и знай.

– То есть куда возвращаться, она не помнит, а вы ее у себя оставлять не хотите? Кикиморы ее свари! Это что ж выходит? В шатер женой вести придется? Ба!.. Ну придумай что-нибудь...

Самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела в своей жизни, хотел взять меня в жены чуть ли не силой, а страшилище клыкастое переживает, что меня ему в жены навязывают?! Главное, непонятно, почему он так уверен, что я соглашусь? Ах да, зелье ж приворотное! Что ж, значит придется выдать свой секрет.

Я вышла из домика, одернула платье и храбро взглянула на чудовище:

– Зачем твой отец требует, чтобы я стала твоей? Вы – дикие лесные орки! Никогда дети гор и неба не соединялись с лесными дикарями! Я не пойду к тебе в шатер. Ты недостойн такой чести!..

Глава 3

▲Синдр:

От облегчения я шумно выдохнул. Чтобы ее лешие к поляне с ягодами вывели! Если она такое всей деревне орков выдаст, меня не то что никто не осудит – наоборот, зауважают. В соблазнении простой бледной немощи чувствуется тоскливая безысходность. А вот если она с таким же гонором выступит – сразу станет видно, что без боя не далась, соблазнял, пока не упарился.

– Пойдем, при свидетелях скажешь, что сама мне отказала... – Ухватив поганку за руку, я ее сначала за собой по тропе потащил, а потом на руки подхватил и побежал.

Поскорее уж со всем этим разобраться и забыть как страшный сон. Хорошо, что орчанки часто в

жены идти отказываются не потому, что в орке как в мужчине разочаровались, а по другим каким-то своим причинам. Женщины – они такие... загадочные. Ты к ним со всей душой, а они тебе от ворот поворот. Или наоборот, глаза б в ее сторону не смотрели, а она покрутится вокруг тебя, извернется, и очнешься уже сверху на ней при пяти свидетелях. Хочешь или нет, а все, в шатер веди... У отца седьмая жена как раз так и завелась, потому что сама захотела и быстро все провернула. Папаша и глазом моргнуть не успел, только штаны спустить...

А мне все говорят, что я в отца пошел. И, зная мой гулящий нрав, никому даже в голову не взбредет, что я девку не удовлетворил, вот она меня и послала. Не желает она ко мне в шатер даже первой женой, вот и все. Ее право. Тем более не орчанка ж, мало ли как у ее народа свадьбы играть принято? Она вон себя дитем гор и неба назвала...

И тут меня как метательным камнем в лоб озарило. Я притормозил, поставил этого найденыша болотного на землю и тряхнул как следует:

– А откуда ты помнишь, что твой народ никогда с моим не соединялся?! Память вернулась?

Девчонка нахмурилась сначала, подбородок вместе с носом вверх задрала, ногу одну вперед выставила – ну прям вылитый папаша мой, когда речь перед кланом толкать собирается.

А потом сдулась и... вздохнула так жалостливо, хвощом сушеным по сердцу. Бледненькая, бедненькая и ведь еще характер показывать пытается! Пожалел бы даже, только сначала свои беды уладить надо, те, что от этой бледненькой и бедненькой на меня свалились.

– Давай сначала ты всем скажешь, что не хочешь в мой шатер даже первой женой. Этот позор я переживу, такое у нас не редкость – переспать согласилась, а на что-то большее не готова...

– То есть все думают, что мы с тобой?.. – Чахла глаза широко распахнула, в голосе возмущение зазвенело такое, словно я ее оскорбил от маковки до пяток.

Что вот я такого ей сказал?! Наоборот, это ж мне возмущаться нужно – я к ней с серьезными намерениями, а она мне от ворот поворот и вдаль до степных предков послала.

– Ну да, бабка про последствия орала, когда за мной с дубиной мчалась. Кто ж там разбирать станет, про какие именно она последствия...

– То есть у вас женщина может признать, что мужчина ее обесчестил, отказаться выходить за него замуж, и при этом никто ее не осудит? Странные у вас традиции. – Чья бы лосиха мычала, а бледная и тощая б молчала. – Нет уж! Мне обвинений в том, чего я не делала, не надо совсем! Пока я свободна, то могу брать себе любого из своего народа, даже дикаря. Но не чужака... страшного. Ты же не мой подданный... Так что я и про шатер скажу, и про то, что между нами ничего не было.

– Да чего хочешь, то и говори, – разозлился я почему-то. Уж больно задело и про дикарей, и про то, что я чужак страшный. Красавица тут нашлась, привидение, в дУхах лесных и в тех красок больше!

Главное, не понимаю, с чего вдруг она со мной таким тоном говорить начала. Зелье ж действовать должно вовсю, а меня тут страшным обзывают... С какого такого перепугу?! Я ж в ее глазах красавец должен быть, глаз не отвести.

Нет, конечно, на самом деле я не красавец, но эта поганка от восторга же пищать должна без всякого зелья!.. А она мне тут условия ставит, вместо благодарности за спасение. Я ее в шатер первой женой зову, а она, значит, на всю деревню собирается объявить, что у нас ничего не было. И плевать с макушки самой высокой ели, что я сам не хотел ее в жены брать. Вот только что не хотел... Но теперь прям за живое задела! Чучело бледное, немощь тощая!..

Разозлился я так, что прямо зубами заскрипел, а потом взял это худосочное к себе притянул и поцеловал. Плоская она, что доска мамкина для стирки белья, и ребра как на той же самой доске – выступы. Ни груди, ни задницы... ♠Но целуется хорошо, жарко... Мне от ее поцелуев сразу жарко. Только едва я во вкус вошел, как она мне тощей своей коленкой между ног...

Чтоб ее... лешаки утащили! Дуру невменяемую!

– Больно же!

– А кто тебе позволил?! – И глазами от злости на меня сверкает так, что прямо искры летят.

Нет, понятно, что это я увлекся. Орчанку тоже если без ее согласия поцеловать попробуешь, можно потом на всю жизнь без важных органов остаться. Там простым ударом коленки в пах

не
отделаешься. Да и не в этом дело... Девку силой брать – позор на весь клан. Но тут
пряма за живое
зацепила ж!..

– А кто мне отвечал?! – поддел я ее и тут же вспомнил: – А кто меня за клыки
пару-тройку дней
назад лапал?! А кто ко мне целоваться сам лез?!

– А кто мне отвечал?! – повторила девчонка мой вопрос и руки в бока уперла, а у
самой в глазах
уже не злые колючки, а смешинки светятся. – Ты такой забавный, когда злишься, и
совсем не
страшный.

– Да с чего я страшный должен быть, если ты под зельем! Или все, отработало уже?
– уточнил я с
подозрением. – Бабка ж дозу на целую орку рассчитывала...

– А на меня больше надо, – ухмыльнулась эта поганка и потом вздохнула. – Не
нравлюсь я твоей
бабушке. И домик у них тесный...

– Я нам с тобой шатер построил, – засмеялся я, подхватив вновь поблекшее тощее
чучелко на
руки.

Конечно, мать с бабкой ее отмыли, приодели, даже бусики какие-то выдали, чтобы
не позорилась
совсем. И волосы у нее когда чистые, то красивые и пышные. И лезут в лицо, в
нос, глаза... как
облако...

– А я от него откажусь, – щекотно выдохнула она мне прямо в грудь, обняв за шею,
как в прошлый
раз, крепко-крепко.

Я на бегу говорить не очень люблю, поэтому промолчал. А девчонка продолжила,
обиженно так:

– И к бабушке твоей я тоже не вернусь, она меня нахлебницей обозвала.

– Никто меня не любит, никто не понимает, пойду я на болото, наемся жабонят, –
пропыхтел я, не
сдержавшись.

– Я не привыкла к такому обращению!.. – Девчонка даже лицо от моей груди
оторвала, чтобы в
глаза посмотреть, ну и я на нее краем взгляда зыркнул, потому как вперед глядеть
нужно, на
дорогу, а не на пигалицу ручную.

Начала-то она говорить с возмущением, зло так и с гордостью какой-то, а
закончила с тяжким

вздохом, едва слышно и опять в меня уткнувшись:

– И привыкать не собираюсь. Домой вернусь... Ты же меня проводишь?..

Я чуть на бегу не споткнулся, еще б миг – и кувыркнулись бы мы вместе, я и поганка эта наглая.

Но сам ведь ляпнул, когда бабку помочь просил. Сам... Все сам!..

– Провожу, – процедил сквозь зубы, прикидывая, о чем вот я думал?! О сутках-двух пути туда и обратно. Но вот после упоминания о детях гор и неба есть у меня подозрения, что идти придется дольше. Ближайшие горы у нас о-го-го где, седмицей не отделаешься, шагать и шагать. Но ведь сам предложил.

Мы до деревни еще добежать не успели, как с деревьев малышня посыпалась и с визгом понеслась народ предупреждать. На улице – толпа, словно все сразу из домов вылезали. Событие же, старший сын вождя первую жену в шатер принес. Орчанки молодые вдоль дороги выстроились, и каждая так и норовила разглядеть, что за диво я притащил.

А чучелко мне носом в грудь уткнулось, волосами завесилось, дышит щекотно, руки не расцепляет... так ее до своего наскоро сделанного дома и донес. На землю осторожно поставил.

Девчонка постояла какое-то время, словно готовясь в холодное озеро прыгнуть, затем головой трянула, волосы с лица убрала, оглядела всех и объявила:
▲– Сын вашего племени нашел меня без сознания, отнес к своей родственнице-знахарке, чтобы та меня выходила. В благодарность за спасение я его поцеловала, но больше ничего не было. – Народ принялся перешептываться, пока тихо. – Выходить замуж из чувства долга я не хочу, и никакой любви между нами нет. Поэтому я... – тут поганка притихла и вопросительно на меня посмотрела.

Вот я дубина! Надо ж было ей правильные слова отказа заранее сказать! Пришлось наклониться и на ухо ей шептать, фыркая как можно незаметнее, потому что ее пушистые волосы лезли мне и в рот, и в нос... Мягкие они у нее, нежные, но настырные, прямо как сама немощь эта бледнолицая!

– Поэтому я отказываюсь войти в его шатер первой женой, но принимаю его приглашение погостить в его доме.

Глава 4

Ка-арис:

Уже заканчивая фразу, я поняла, что слово «погостить» среди этих клыкастых зеленых монстров имеет какое-то двусмысленное значение, не только то, к которому я привыкла.

Они зашумели, принялись переговариваться. Те, что более крупные и бритые почти налысо, но с толстыми пучками волос на макушке, – одобрительно кивали, а те, что чуть помельче и с обычными хвостами, как у моего страшилища, поглядывали на него кто с легкой ревностью, кто с сочувствием.

Ледяные грани, какое мое чудище маленькое среди этих монстров! Даже женщины его выше... А еще, если сравнивать уровни страшности, то мой – симпатичнее. Волосы у него привычного цвета – черные, а не темно-зеленые, я у людей такие видела. Кожа, правда, оливковая, почти как у окружающих нас клыкастых чудовищ, но чуть-чуть другого оттенка. Зато уши почти обычного размера, а кончики хоть и заостренные, но не вызывают никаких ассоциаций... с зайцами... или ослами.

Но клыки... клыки!.. Хорошо, что намного меньше, чем у остальных. У мужчин местных вообще словно бивни, только перевернутые. Ужас!..

Тут все кругом – ужас. Тролли внутри деревьев «норятся», причем часть дома вглубь, под землю, к корням уходит, а часть – наоборот, как шалаш из прутьев переплетенных, на земле. А у этих огромных страшилищ – натянутые на палочный каркас шкуры, они это сооружение шатром называют. Ненадежно же! Дикари... Давно бы уже научились дома строить, как люди. Красивые деревянные дома...

Как только гомон вокруг стал усиливаться, я решительно толкнула чудище в шатер, так что он чуть на спину не упал. Сама следом вошла, тряпкой какой-то проход занавесила и в упор уставилась на зеленое страхолюдство:

– Я же сказала, что мне обвинений в том, чего я не делала, не надо?! Сказала, что ты не мой подданный, а чужак и неизвестно, как связь с тобой на мне отразится?! Сказала, что ты страшилище клыкастое?!..

– Да ты тоже не красота писаная! Я ж просто... намеком!.. Чтоб тебя лешие утащили! А то

бредятина же какая-то выходит. Одно дело, если бы ты сказала, что это я тебя не захотел, спас и ушел. А ты же все так подала, словно я на большее рассчитывал, а ты меня в благодарность лишь поцеловала и большего не дала. А теперь все решат, что все же дала... но сейчас! А раньше просто тебе нельзя было – знахарка же выхаживала...

У меня от возмущения волна начала внутри подниматься, магическая. В человеческом облике это опасно – надо обращаться в дракона и отлиться всласть или успокоиться. Только как тут успокаиваться?

Тупой, страшный, лишь одним озабоченный дикарь!.. Я с наслаждением представила его лицо, когда обернусь в драконицу, разнесу убожество, которое он называет шатром, и улечу прочь!..

Но тут же выдохнула... стараясь думать о чем-то хорошем. И... и не расплакаться.

Не получается у меня почему-то оборот. Я ж сразу, как только все вспомнила, попробовала превратиться, а ничего не вышло. Сейчас от гнева магия воды внутри проснулась, но не выплеснулась. И обернуться не выйдет – чувствую уже...

Главное – не впадать в панику. Все у меня получится, только позже. По дороге домой потренируюсь... не одна же пойду!

Страшилище, конечно, тупое и озабоченное, но сам-то силу не применяет, только знакомых своих обмануть решил и меня на словах опозорить. Ему-то что... А я и на словах позора не люблю, от слухов потом не отмоешься. Сплетни и слухи могут служить как во вред, так и во благо, если создавать их самим. Чудовище вот постаралось... создал... для своих.

Я поежилась, вспомнив о своем народе.

Представляю, какая сейчас в замке паника: король погиб, королева ушла вслед за ним, принцесса сбежала, старшая принцесса уже давно живет в другом замке... Вот у Тха-ариса забот!.. Еще и меня искать надо.

И тут я вдруг осознала... Ледяные грани! Он же мой жених. Жених, а не муж! Значит, после моего побега весь мой народ перейдет под власть Ра-аброна, мужа старшей сестры. Вот уж... Вот уж нет!

На-арис его любит, конечно, по-своему, потому что с детства смирилась и готовилась стать его

женой.

Только я-то знаю, что он властолюбивый заносчивый самоуверенный гад! Почти такой же, как Тха-арис, но хуже, и, главное, он не станет заботиться о моем народе так, как я!

Ну что ж... Побегала от своих обязательств, время возвращаться и принять хотя бы часть.

Пока зеленое чудище тащило меня в свою деревню, я уже объявила ему, что он пойдет меня провожать.

Во-первых, потому что я не очень представляю, куда залетела, и для начала мне надо выйти к большому городу, чтобы понять, где именно я нахожусь и в каком направлении мне надо двигаться обратно.

Во-вторых, я бы не хотела лететь над неизвестной страной драконом. Мы не то что скрываемся, но прекрасно понимаем, что выглядим устрашающе в своем истинном облике. И толпа обезумевших от страха вооруженных дикарей вполне может ранить или захватить в плен, а значит, и... убить... одинокого дракона.

Наш образ жизни очень схож с вампирским, даже в отношении людей – они одновременно и пища, и подданные, которых надо оберегать от остальных. Высшие драконы, такие, как я, само собой, людьми не питаются, мы используем их иначе. Для них стать нашим избранником и избранницей, пусть даже на одну ночь, это большая честь! А для нас – возможность развлечься и, пусть и очень слабая, вероятность расширить свой угасающий род. Вдруг повезет и родится хоть и слабый, но высший?! Умеющий обращаться в человека и дракона... Только везет последнее время все меньше и меньше.

Наш род почему-то угасает. У моего отца было три жены, и две из них так и не смогли родить от него ребенка. Но Тха-арис – сын старшей из его жен от человека, одного из придворных. Старший сын старшей жены, все еще живущей в небольшом замке, оставленном ей моим отцом в качестве откупного.

А средняя жена, та, что была до мамы, предпочитала людям драконов, она и рожала в драконьем облике, откладывая яйца. И сейчас у нее своя личная маленькая армия, как любил шутить отец. Только они все не могут обращаться в людей...

А у мамы родилось четверо детей, и все от отца, но... но только мы с На-арис можем оборачиваться.

Гармира и Паншира – практически обычные люди, просто долгоживущие.

Говорят, что так происходит из-за угасания магии и со временем высшие вообще перестанут рождаться. Жаль...

– Значит, решил выставить все так, словно я тебе на шею сейчас из благодарности вешаться стану?! Причем уже всем объявив, что на место в твоём шатре не претендую?! – Я отвлеклась от грустных мыслей и решила окончательно объяснить клыкастому страшилищу, кто он на самом деле.

– Да как ты посмел! Ты – тупой, страшный, озабоченный, мерзкий, подлый тип! Дикарь! Чудовище лесное! Обмануть всех решил и меня опозорить?! Да я сейчас как... Как расскажу всем про зелье, будешь знать! Скажу, что специально меня опоил, пользуясь тем, что я не понимала почти ничего. Что, не так?!

Чудовище сразу заволновалось и встало между мной и выходом, наивное. Да там же толпа еще не разошлась – заору громко, и влетят, мне или ему на помощь.

Странно, но, даже ничего о себе не помня, я все равно за себя совсем не боялась. Даже мыслей не было, что этот дикарь может меня обидеть. Серенькие ушастики милые, а огромные зеленые монстры... по-моему, тоже не опасные. Я вообще не помнила, чтобы чего-то боялась, пока был жив
▲папа. А когда его не стало...

Я должна была остаться с Тха-арисом... Только выходить замуж из чувства долга не собираюсь. Это нечестно, несправедливо, неправильно! Отец сам признавался, что из всех своих жен он любил только мою мать, а двух других просто уважал. Не хочу, чтобы меня «просто уважали»! Меня уважают мои подданные, и люди, и драконы. Так пусть хотя бы муж любит... Или я многого хочу?

Глава 5

Синдр:

– Да как ты посмел! Ты – тупой, страшный, озабоченный, мерзкий, подлый тип! Дикарь! Чудовище лесное!

Я прямо оторопел, когда эта бледность прозрачная на меня сверкая глазищами

наступать стала. И
взгляд еще такой, словно вот сейчас в лицо вцепится, только не шипит и не рычит.
И в глазах –
сталь!

– Обмануть всех решил и меня опозорить?! Да я сейчас как... Как расскажу всем про
зелье, будешь
знать!

Да чтоб тебя ветром отсюда унесло! Я ее лишь намеком опозорил, а она-то меня
по-настоящему
сейчас прямо при всех припечатает, не отмоюсь!

– Скажу, что специально меня опоил, пользуясь тем, что я не понимала почти
ничего. Что, не так?!

Ну я подскочил, проход ей загородил, а у самого внутри паника. Ну не силой же ее
удерживать? Вдруг не рассчитаю? Не орчанка же... Сожму чуть покрепче и придушу
нечаянно.

– Да сдалась ты мне! Я тебя из фляги нормально напоить хотел, а до этого вокруг
тебя с тряпкой
прыгал, воду из нее в тебя выжимал! Потом, как слепнем укушенный, помчался к
озеру, а ты...
взяла и напилась из болота, поганка трясинная!

– Это ты своим монстрам страхолюдным рассказывать будешь! – Девчонка продолжала
глазищами
на меня сверкать, так что даже не по себе делалось.

Это я – дикарь?! Это она – буйная.

– Собирайся давай, мне домой надо, меня там мой народ ждет.

Вот как сказала, так я чуть из шатра не вывалился, потому что почти у самого
выхода стоял. Она не
буйная, она наглая! Да так, что прямо челюсти сводит...

– Еды с собой побольше возьми. У вас деньги какие-то есть? Тоже возьми – не в
лесу же я ночевать
буду? А еще...

– А еще палочку волшебную, чтобы губу закатывать, – огрызнулся я. – Какие у
орков деньги? С
ума ты сошла, что ли? Вот когда набеги на людские селения делали, тогда у нас
все было. Но это
еще при прадеде моем, дед успел в пару десятков набегов сходить, и все,
вытеснили нас люди.

– Здесь есть неподалеку люди? – обрадовалась наглая немощь. Вот как-то все
перебрал, когда
пытался решить, кто она такая, а про людей не подумал. Да я и не видел их почти
– они в наш лес
не ходят, мы к ним в деревни от случая к случаю, лишь по надобности. А до

городов их вообще ни
один орк из нашего клана не доходил. Из соседского как-то двое добрались, ругались
потом страшно.
Гиблое место, все за золотые монеты...

Вот гномы с людьми быстро сроднились, а орки, тролли, остальные лесные народы –
нет. Эльфы
вообще куда-то ушли, даже папаша мой их не застал...

– А драконы?!

– Драконы? – удивился я. – Драконов точно нет, они ж вымерли давно.

– Как «вымерли»?! Нет, они не... То есть у вас тут драконов не водится? Значит,
надо идти к людям,
у них спрашивать. Люди наверняка знают...

– Ну вот и пойдешь. Короче, я тебя до ближайшего города довожу, людям сдаю, а
дальше ты сама
как-нибудь.

Девчонка задумалась, нахмурилась. Потом головой замотала:

– Нет, «как-нибудь» меня не устраивает. Доведешь меня до моего замка, я тебе
заплачу.

▲– И что я с твоим «заплачу» делать стану? – Нет, я понял, что она про деньги,
про те самые
золотые монеты, с которыми в городе жить можно. Только мне-то они зачем? Мне
Келда нужна... а
она за деньги не продается. – Сиди в шатре и не вылезай, я пойду еды в дорогу
соберу. Побольше.

И все что нужно, чтобы в лесу ночевать. – Вот чуть язык ей не показал, поганке
нахальной. –

Потому что в городе нас с тобой точно никто не ждет. Но мы поищем там того, кому
ты
приглянешься и кто захочет тебя дальше провожать.

– Он еще и мне приглянуться должен! Я неизвестно кому себя до замка провожать не
позволю.

– Ну и пойдешь одна-одинешенька, – фыркнул я, плечами пожал и побрел сначала к
отцу, потом к
матери с бабкой. Мешок заплечный собрал – на две седмицы хватит!

Вернулся в шатер, а там поганка эта с Келдой о чем-то щебечут!

– Ты, говорят, герой? – Орчанка уставилась на меня в упор, сверху вниз, а я
только кивнуть и смог.

Уж не знаю, где я там герой, но кто ж от такого звания откажется?

– Принесешь мне шкуру зверя, которого тут не водится, может, и соглашусь стать
твоей женой!

И ушла. А я, как дуб, остался стоять и думать, что это было и за что мне такое

счастье.

– Я ей сказала, что ты меня проводишь до гор, где я живу, вызвался. И что ты очень заботливый, но совершенно точно в кого-то влюбленный, по лицу видно – страдаешь. Про зелье я ей рассказывать не стала.

– И на том спасибо, – выдохнул я, глядя на ухмыляющуюся девчонку. – А как ты догадалась, что я по ней именно страдаю?

– Ты с нее глаз не сводил все время, что мы у шатра стояли. Сложно не заметить.
– Поганка одарила меня снисходительно-презрительным взглядом и потом уважительно оглядела мой мешок.
– Хорошо собрался, дня на два-три точно запас есть. Пошли?

Я-то как раз хотел ей предложить переночевать в шатре, а в путь отправиться утром, потому как вторая половина дня уже. Но едва рот открыл, как тут же и закрыл. Обвинит сейчас в том, что я хочу напоследок сделать вид, будто все же свое получил, а не просто так, как поленом пришибленный, прусь с ней неизвестно куда неизвестно зачем. Хорошо хоть, Келду предупредила...
Точно! Я ж не просто так, а за шкурой зверя иду, такого, какого здесь не водится. За подарком для своей будущей первой жены!..

– Что-то ты подозрительно как-то скалишься, – насмешливо фыркнула девчонка, но на клыки мои покосилась и поежилась. А я очередной раз пожалел, что такие, как у отца, не вырастут...

Орчанки часто шутят, что клыки у мужчины – это его первое достоинство, то, которым он перед всеми красуется. И если первое – маленькое, то на второе и смотреть незачем. Зря это они...

– Вот, теперь наоборот, скис совсем. – Поганка продолжала пристально изучать мое лицо и ехидничать. Разозлившись, я схватил ее за руку, сжал... она ойкнула, я тут же испуганно пальцы расслабил, на ее посиневшее запястье посмотрел и зло выругался. А потом на выход из шатра кивнул:

– Пошли, раз тебе вдруг так резко приспичило. До города ближайшего двое суток пути, я у отца выпросил, он мне даже карту старую срисовать дал. Так что напишись в лесу, наотдыхаешься!

И усмехнулся, наблюдая, как эта ехидина сразу притихла и нахохлилась. А вот

нечего надо мной
подшучивать! Я тоже могу... и места слабые уже вычислил. Балованная она и до того,
как под валун
свалилась, какое-то время не совсем в себе была или бежала от кого-то. Но
недолго – кожа уж
больно нежная, да и она сама вся... только тронь – и сломается. Босиком явно
ходить не привыкла,
так что я ей детские сапожки из кабаньей кожи у отцовских жен выпросил. Вытащил
их из-за
пазухи и протянул:

– Держи... а то мы так с тобой до ближайшего перелесья не дойдем. Разве что я тебя
на себе всю
дорогу тащить стану.

– А что, мы как-то иначе идти собирались? – Поганка оживилась немного и снова
разъехидничалась. С сапожками я угадал – как влитые сели. Я их по своей ладони
мерил – один в
один и вышло.

– Ногами ты своими пойдешь, – пояснил я нахалке расклад. – Пусть еле-еле
плестись будем, уж
как-нибудь переживу этот позор. Но в ездовые орки я не записывался. Устану нога
за ногу
перебирать, перекину тебя через плечо, тощей попой кверху, и пробегусь немного...
а потом снова
поплетемся.

▲– Злой ты, – выдала мне поганка возмущенно-обиженно. Но деловито подергала
платьице,
оглядела себя, потом меня, вздохнула так, будто это не она нас двоих неизвестно
куда тащит, а я ей
навязался или еще что опять не так сделал, и пошла из шатра по тропинке.
Уверенно так, словно
знает, куда идти надо.

Ну я мешок за спину перекинул, топор к поясу прицепил и вслед за пигалицей
пошагал, как
обещал, нога за ногу. На нужном повороте только за руку ее легонечко потянул,
едва
прикоснувшись, чтобы не забрела, куда не надо. А то лешие с кикиморами уже
плутать-веселиться
приготовились. Парочке особо настырных пришлось кулаком погрозить, чтобы даже в
мыслях не
было! Мне только этой немощи, петли вокруг болота накручивающей, не хватало.

Глава 6

Ка-арис:

Я, кажется, начала потихоньку привыкать к виду своего чудовища. Когда смотрела
на его лицо, уже
не гипнотизировала странные клыки. А его голос, если отвернуться и, главное, не
прислушиваться,
звучал даже красиво. С таким голосом героические баллады бы петь, а не на меня

брюзжать,
словно старая дуэнья.

– Куда тебя лешак потащил, зачем ты с тропы сошла, чучело прозрачное? А если б утопла, дурында обормотная? Кикиморы бы утащили, если б я не подбежал! Сказал же, на тропе стой, пока я в кусты отлучусь!

– Да ты сам провалился в тех кустах!..

Зла на него не хватает!.. Тупой он, а не страшный... Тупой, наглый, самоуверенный, и его зеленая клыкастая рожа вызывает не отвращение, а раздражение. Причем какое-то странное.

Обычно я просто ставила в известность: «Ваше общество мне неприятно», и все, больше никогда не видела, не слышала, не вспоминала. А тут...

Приятно его общество или нет, а одной мне до ближайшего города добираться будет сложно. Придется терпеть, тем более привыкла уже. Но в том-то и дело, что раздражение у меня на него какое-то непривычное. Вот скажу я ему: «Мне неприятно твое общество», и он убежит довольный, потому что не ценит, какую я ему честь своим обществом оказываю. Наоборот, обрадуется только!

То есть я могу ему, конечно, заявить, что я дракон-оборотень из рода Асэншейн, но вот есть у меня предчувствие – не проникнется. Даже самого факта, что я дракон, не осознает, потому что бездоказательное заявление получается. Они тут вообще считают, что драконы вымерли! И имя рода отца для него – пустой звук.

Я сразу решила не представляться ему полностью, едва он попытался мое имя сократить!.. Тупой же...

Ка-арис ему не запомнить, он меня до Арис сократить попробовал, потому что Карис ему не понравилось, а двойное «а» выговаривать сложно и смысла нет. Так бы и... стукнула чем-нибудь!

За все свои двести лет я физически выражала недовольство раза три или четыре, потому что большинство окружающих меня людей понимали слова, а драконы – мысли.

Когда я в первый раз по щеке ударила слишком уверенного в себе придворного, мать отвела меня в сторону и объяснила, что цивилизованным созданиям дана речь, а силу надо применять только после того, как разочаровался в своем собеседнике и его цивилизованности. Я

запомнила.

Особенно после состоявшегося вечером того же дня разговора с отцом:

– Нельзя поднимать руку на того, кто не сможет тебе ответить. Ты – женщина и высшая, дважды неприкасаемая. Если ты считаешь себя оскорбленной, ты можешь приказать казнить оскорбившего или попросить равного ему по статусу вызвать его на дуэль. Можешь выразить свое неудовольствие и изгнать грубияна, лишив его нашей поддержки. Но пачкать руки самой – значит опускаться до уровня того, кого ты ударила.

И я училась выражать свое неудовольствие, пользуясь словами, только словами. Прямо, честно, спокойно, глядя в глаза. Предупреждение, дуэль, казнь, изгнание...

Но этот... дикарь... он совершенно не понимал слов! И как еще мне донести мое неудовольствие? Только опустившись до его уровня или... подняв его до моего!

– Да куда ты опять прешь, чахла, чтоб тебя кикиморы унесли! Все, давай привал делать.

▲– Прямо здесь? – Я обвела рукой... болото! Ледяные грани, вот как он место для привала выбирал?

Впереди тропа, позади тропа... И там, где мы стоим, – тоже тропа!

– А где еще? Поляны специально для тебя поблизости нет. До нее еще минут двадцать мне бежать и часа два тебе плестись.

– Я не хочу спать прямо... на дороге! – У меня от возмущения внутри снова начал зарождаться фонтан магии, поэтому я закрыла глаза, сосредоточилась и попыталась успокоиться.

Если обернуться не получится, магия не сможет выплеснуться и мне будет очень плохо. Больно.

Тха-арис долго учился обороту, очень долго. Я уже была в сознательном возрасте, когда у него стало все получаться с первого раза. И я очень хорошо помню, как ему было больно... ведь он был драконом нашего клана, а мы все чувствуем друг друга, порой даже на расстоянии. Конечно, основную боль забирал отец, потом мать, сестра... и какой же огромной она была, раз доставалось даже мне?!

– А я не хочу бродить несколько часов в ночи – заплутаем, век не выберемся.

– Сам же сказал, двадцать минут! – Я уставилась на дикаря в упор, а он даже не поежился, так же в упор уставившись на меня. И только спустя вечность, когда я уже готова была

сдаться и отвести
взгляд, махнул рукой:

– Ну что, чахла с гонором, сейчас повеселимся...

И... перекинул меня через плечо, сверху на мешок! Головой вниз! А потом побежал...
Дикарь!

Тупица! Чудовище зеленое!

– Придурок! Как ты посмел?! Как?..

– Сама хотела на поляне спать. Спи!

– Прямо на траве? А костер? А...

– Кровать? Матрас? Спальный мешок есть, но он один.

– Спальный мешок меня устроит, – облегченно выдохнула я. – И костер разведи.
Холодно.

Костер этот зеленый придурок развел довольно быстро и даже где-то нашел воды, в которую насыпал травы и чего-то сушеного... главное, чтобы не мух!..

Стараясь не задумываться о компонентах, быстро выпила горячий бульон из миски и вопросительно посмотрела на чудовище. Он медленно – уверена, что нарочно медленно, – съел все, что оставалось в котелке, снял широкий пояс, сразу вместе с висящим на нем в чехле топором, пробубнил о том, что завтра надо будет поохотиться. Затем достал из рюкзака большую, сшитую пополам мехом внутрь шкуру и... залез в этот мешок сам!

– Давай, поганка, тут еще три таких, как ты, влезет!

– Да как ты... Как... Как тебе в голову только... Уф-ф-ф-ф!

– Не пыхти ты, как напуганный ежик, залезай. Кикиморы никому не расскажут, не переживай.

– Да при чем тут кикиморы! Главное, что я сама буду знать, что лежала рядом с...
Уф-ф-ф-ф!

Ледяные грани, нет слов... нет сил... нет желания... и очень хочется спать.

Внезапно я осознала, что сейчас не принцесса, не дракон, а просто слабая беззащитная девушка. И мне действительно холодно, сыро, темно... страшно. Мне – страшно?!

Я огляделась вокруг, вслушалась в странные ночные звуки лежащего впереди леса и оставшегося позади болота. У костра было более-менее тепло, но... Да и ладно! Это ради моего личного

удобства!.. Вынужденная необходимость.

Я быстро-быстро, чтобы не передумать, втиснулась в спальный мешок, прижалась спиной к дикарю и чуть не застонала от удовольствия. Тепло-о-о!

– Спи, поганка, – сонно проворчало мне в ухо чудовище, обхватило своей лапицей, прижимая к себе поплотнее, и... я уснула.

Может быть, отвар подействовал, может быть, усталость, но мне ничего не снилось. Ничего

плохого... Проснулась я отдохнувшая, поерзала, попытавшись освободиться из крепкого захвата, но

▲ничего не вышло. Страшилище вцепилось в меня намертво. Но едва я повернулась, чтобы его разбудить, он сам открыл глаза, и мы застыли, неотрывно глядя друг на друга.

Если забыть про цвет кожи и не опускать взгляд чуть ниже, на клыки, то... дикаря можно было бы

даже назвать... симпатичным. То есть... ну... ресницы у него были красивые! Длинные, пушистые, черные. Волосы густые, жесткие... и клыки на самом деле не такие уж страшные.

– Чахла, ты давай дуй по своим делам, а потом я пойду поймаю нам кого-нибудь на завтрак. А то на одном бульоне я скоро сам похудею. Будем с тобой как две немощи – ты бледная, я зеленая.

Вот кто его за язык тянул, а? Такой милый был... пока молчал!

Глава 7

Синдр:

Я иногда от ее наглости просто теряюсь! Ну была б орчанка сильная или как мать моя – юркая и

вездесущая, а так... Немощь чахлая, быстро идти не может, без костра мерзнет, готовить явно не

умеет, а то б помогать кинулась. Ну не сможет умеющая готовить баба спокойно смотреть, как я в

кипящую воду все без разбора кидаю. А она даже не дернулась и потом все что вышло еще и

съела. Даже не поморщилась.

Но ведет себя так, словно в любой момент встанет и одна пойдет. Может, она дурная? Может,

головой об валун стукнулась? Там выступов подходящих хватало... Ну вот куда она без меня

дойдет? Лешаки уже себе животы от смеха надорвали, наблюдая за этой путешественницей. А

трясинницы устали облизываться и, по-моему, уже сами ее на тропу обратно запихивали, потому

как позорно ж такую беспомощную утаскивать.

А пигалица эта бледная вместо того, чтоб вцепиться в меня и радоваться, что я ее провожать
вызвался, командовать еще пытается. Поганка белобрысая!

Ночью совсем насмешила, когда еще раздумывать у костра уселась – влезать ко мне в спальник
или нет. Вот можно подумать, выбор у нее прям на все четыре стороны. Но долго капризничать не
стала, залезла, прижалась ко мне и уснула, сладко так. Ну я ее так пристроил
рядышком, чтобы
волосами мне лицо не щекотала, и тоже задремал. А потом и совсем заснул,
убедившись, что вроде
бы все хорошо.

Утром резко проснулся и глазами с поганкой встретился. Она меня так пристально изучала, словно
диво какое-то чудное, впервые увиденное. Даже не по себе как-то стало. Потерпел
немного, а потом
вспомнил, что поохотиться хотел. Да и... в кусты уже пора, а она тут к клямкам
руками
потянулась. Нет, я помню, что в прошлый раз после этого такой поцелуй
последовал, от которого
сразу про всю ее чахлость из головы выдувает. И не то чтобы этого поцелуя не
хотелось, но у меня
на продолжение же потом планы появятся, а оно мне не светит.

Вот чую – не настроена поганка на продолжение.

Она меня как-то странно изучала, не для таких целей, а словно удивлялась чему-то
обнаруженному
на моем лице. Уж не знаю, что ее так поразило... но я себя прямо богомолем в банке
ощутил. Мать
вот так же их разглядывает, обдумывая, подходит ли он для запекания или слишком
маленький
еще.

Поэтому быстренько отправил чахлу по утренним делам. Она при этом на меня так
посмотрела,
словно я сказал что-то не то или обидел ее чем-то. В общем, подобрал я поганку с
придурью, а что
делать? Не выбросишь уже... Быстро до города доведу, сдам с рук на руки тому, кто
за деньги ее
потом дальше проводит...

Но тут я вспомнил! Тьфу ты, чтоб этих баб кикимора сварила... Шкура же! Без шкуры
зверя,
который у нас не водится, возвращаться нельзя. Келда задразнит, и сам со стыда
сгорю.

Значит, придется тогда уж до самого дома ее отвести, не на середине же пути
бросать? Глупо как-
то... Пообещал, опять же и одной, и второй. Вот кто меня, обалдуя, за язык тянул?!

Едва поганка моя вернулась, я ее на пенечек усадил и строго велел на одном месте сидеть, а сам побрел свои дела делать.

Ну а потом еды нормальной добыл, чтобы позавтракать как орк, а не как троллиха перед первой зимней спячкой. Сразу целое гнездо с яйцами взять было бы удобнее, но я прогулялся по округе и из нескольких гнезд по яйцу взял. А потом заметил дупло, в котором пряталась молодая белка, и сам притаился, выжидая, когда мой будущий бульон нос высунет. Но потом передумал и свернул шею курлыкающему неподалеку тетереву.
▲Беличью шкурку на коленке обрабатывать было лень, а выбрасывать – жалко. С птицей проще.

К счастью, пока я делами занимался, пигалица никуда не ускакала и даже спальный мешок попыталась свернуть. Посуду ополоснуть, правда, не догадалась, но и это – к счастью. Пусть она и не весит ничегошеньки, но все равно с котелком в руках могла и в трясинку провалиться.

– Яичницу сделать сможешь?

Я сразу понял, что глупость спросил. Не знаю уж, чем это чудо бледнолицое раньше питалось и кто о ней заботился, но подпускать ее к костру, да еще и с запасами, которых не так уж много, кикиморам на смех.

Так что взял крышку от котелка, смазал жиром, перебил в нее все яйца и пристроил на углях, а сам побрел посуду мыть. Вот ведь возложил обузу себе на шею – и мучаться с ней теперь до самого Фрайдера. Именно так, судя по карте, назывался ближайший городок.

Только я насчет двух дней пути разогнался. Это я бы один за два дня дошел, а с чахлой попутчицей хорошо если не седмицу брести будем.

Вчера мы где-то часа за три прошагали столько же, сколько я в одиночку за час преодолел бы прогулочным шагом, насвистывая и по сторонам поглядывая, да еще и с лосиной какой-нибудь свежезаваленной на плечах. А тут, считай, налегке шел, пяткой сам себе на пальцы наступал, чтобы шаги большие не делать... Устал от этого сильнее, чем если бы всю дорогу с поганкой на руках бежал.

Конечно, время я очень условно высчитывал. Солнечные часы с собой таскать тяжело, а на глазок по солнцу все очень приблизительно выходит.

Вот считать-то до ста я умел хорошо, не дикарь какой-нибудь. Мать моя читать-писать умела. И бабка рецепты свои записывала, а прапрабабкины записи иногда листала. И папаша грамоте обучен был с детства.

А уж без умения считать оркам вообще тяжко. Надо ж и за числом жен следить, и сколько детей в шатре отслеживать, и добычу правильно поделить...

И тому, что если быстро считать до шестидесяти – минута как раз и пройдет, нас с детства учили.

«Скоро приду» – оно ж у каждого свое. А вот когда «через десять минут», «через тридцать минут», «через два часа» – это уже понятнее. Так что чувство времени со временем становится встроенным.

А названия делений времени и пути все наши предки от эльфов переняли. Вроде бы от эльфов...

И вот мое встроенное чувство вместе с другим, тоже встроенным, оптимистично так объявило, что до Фрайдера мы будем плестись дня четыре, если не пять.

Не седмица, конечно.

Только от Фрайдера до Эйридского озера, рядом с которым следующий город стоит, Фригда, таких расстояний почти три получается. Выходит, что мы будем четыре по три, то есть, считай, двенадцать, дней в пути, а если еще и запасик на всякое непредвиденное накинуть, то как раз две седмицы до Фригды...

А от Фригды до Тайриды где-то... два с половиной таких расстояния, если на глазок. То есть еще десяток дней в пути.

Нет, потом, если верить карте, – горы.

Но эдак я до зимы в путешествии, сначала в одну сторону, потом обратно. Может, правильнее чахла лошадь купить? Интересно, сколько лошадь монеток стоит и смогу ли я на нее заработать?

Глава 8

Ка-арис:

Сегодня чудовище не брюжало, просто молча шло рядом и иногда поглядывало на меня, очень задумчиво. Я сначала тоже молчала. Мне было о чем... помолчать.

Убить моего отца мог кто-то очень сильный. Кто-то, кому не смог противостоять высший дракон или... не захотел противостоять. Вот о последнем думать было еще страшнее. Только бежать и прятаться было не к кому, а в никуда – не вышло. То есть вышло, но результат мне очень не понравился.

▲Я, конечно, старалась не паниковать и утешала себя тем, что отдохну и смогу обернуться обратно в драконицу. Но что... что я буду делать, если не смогу?! Если уже никогда-никогда?.. Потому что трусливо сбежала в никуда, оставив свой народ, не выполнив свой долг, не разобравшись со смертью отца?

У меня же словно умопомрачение какое-то случилось! А ведь могла просто сказать Тха-арису, что пока не готова стать его женой, и все. Все! Траур у меня, вполне уважительная причина, почему я о ней не подумала? Почему помчалась неизвестно куда, словно за мной гнались...

А может, за мной и гнались?!

Я даже затормозила, и бредущий за мной зеленый страшила чуть не врезался мне в спину. Конечно, он тут же сообщил мне об этом:

– Чахла, ты что, змею увидела? Или собственный яд наконец-то подействовал и тебя обездвижило?

Ты на отдых еще не нашагала и ужин не заработала. Чего там у тебя случилось, немощь бесполезная?!

– Думаю! – рыкнула я на дикаря, но от его слов стало очень обидно.

Вместо попыток вспомнить, почему я решила сбежать, начал вспоминаться сегодняшний обед. Именно после него к моим прозвищам и добавилось слово «бесполезная».

Как будто я двести лет только и делала, что птиц ощипывала! Да я на настоящую охоту летала всего раз десять в жизни. Никакие инстинкты не могли меня заставить вцепиться когтями в беззащитное животное и уж тем более разорвать его на части и съесть! Сырым! Фу, гадость какая!

Нет, есть я предпочитала в человеческом облике и мясо любила с гарниром или в супе. Уже приготовленным, не мной, естественно!

А тут мне сунули в руки труп какой-то птицы и сказали, чтобы я его ощипала. А когда я вернула тушку обратно, совершенно честно заявив, что делать ничего подобного не умею и

учиться не
намерена, меня и обозвали «бесполезной». Я так обиделась, что даже обедать
сначала отказалась!
Хотя пахла птица, после того как над ней поколдовал этот зеленый хам, очень
вкусно.

Сначала он ее прямо в перьях несколько раз макал в кипящую воду, держа за лапки,
затем ловко
так принялся выдергивать из нее пух и перья, раскидывая их в разные стороны.
Потом подержал
тушку над огнем, затем снова макнул в кипяток и после этого – в миску с холодной
водой. И уже
после разрезал ей туловище напополам, кинул внутренности в котелок, а остальное
проткнул
веткой и пристроил жариться на костре.

Пахло это все умопомрачительно. Так что я передумала обижаться. Даже
проигнорировала
приглашение в стиле чудовища:

– Иди лопай, пигалица. Может, хоть после нормальной еды быстрее шагать станешь,
а то я себя
проводником улитки чувствую.

Просто... есть очень хотелось. И домой. А значит, шагать и правда надо быстрее.

Вот только сразу после обеда на меня навалилась такая усталость! Я решила на
полминутки
закрыть глаза, а когда открыла их снова – оказалось, что лежу рядом с костром,
под головой у меня
какая-то чистая скомканная тряпка вроде накидки, а сверху я накрыта нашим
спальным мешком.

И только я привстала и огляделась, чтобы поблагодарить чудовище за заботу, как
он снова все
испортил:

– О, проснулась, немощь бледная? Ночью не выспалась? Давай, поднимай свою тощую
задницу и
пошли уже... Я даже посуду помыл, пока ты дрыхла как сурок.

Вот и как ему спасибо после такого говорить?!

Я встала, отряхнулась и пошла к тропинке, а потом по ней пошагала. Прямо и
прямо... Молча. И
хам зеленый за мной следом шагал тоже молча.

Пока я не задумалась, а он в мою спину чуть не врезался.

Смотреть надо, куда идешь, а не по сторонам головой крутить!

– Думает она! – разбрюжался он в ответ на мои слова. – Думать вечером будешь,
перед сном. А
пока давай ноги переставляй. Мы на таких скоростях до гор только к зиме

доберемся!

– А ты куда-то торопишься? – огрызнулась я. – Тебя без шкуры редкого зверя все равно дома не ждут.

– За шкурой я и без тебя сходить смогу, – пробурчало чудовище. – Седьмица туда, седьмица обратно. И горы повидал, и шкуру добыл.

– Ну и...

Вот слов приличных нет, чтобы этому хаму объяснить, кто он есть на самом деле. Можно подумать, я специально медленно иду! Да я... Я вообще ходить не привыкла! У меня ноги уже ноют так, что плакать хочется. А я все равно иду же!.. Потому что надо. Потому что там мой народ!.. И... мой дом. Моя семья. Сестры. Жены отца. Тха-арис.

– Ладно, давай тут привал сделаем. Место удобное. До следующего еще час плестись, – страшилище внезапно решило проявить доброту, но я, упрямо шмыгнув носом и гордо задрав вверх подбородок, даже не стала поворачиваться, чтобы посмотреть на предложенное для привала место. До заката еще часа два точно. Вместо болота и зыбкой почвы уже какое-то время вокруг высокие ели, прямо как дома. И успокаивающий запах хвои.

Нельзя себя жалеть и сдаваться, если впереди есть цель. Надо двигаться вперед, пока есть силы. А силы у меня пока еще были, если не расслабляться и не отвлекаться на грустные мысли. У меня же есть хорошие, оптимистичные, мотивирующие... Есть же?! Например... Вот обернусь драконом и оболью это чудовище, чтобы научился себя вести и руки перестал распускать!

– Отпусти! Отпусти меня немедленно! Отпусти, я сказала!

– Сказала она... И так тащимся еле-еле, так она еще хромать вздумала! Ногу натерла, что ли? Виси и помалкивай, немощь непутевая. На бегу пререкаться трудно...

Синдр:

Не выдержал я, нервы сдали. Схватил эту дурынду упертую в охапку и, вместо того чтобы на присмотренную мною полянку закинуть, пробежал с нею до другой, тоже подходящей. Немощь до нее как раз за часик бы дохромала, а завтра бы вообще идти не смогла.

Сегодня мы прошли примерно в два раза больше, чем вчера. Точно-то никак в лесу не поймешь –

тропа и тропа, бредем и бредем. Так что только на свое ощущение времени рассчитывать приходится. Ну и пытаться как-то это ощущение с наглазковым измерителем расстояния соединять. Вот на глазок выходило, что хорошо так прошагали, для чахлы. И если в таком темпе идти будем, то еще через три дня – Фрайдер.

И там я ужом извернусь, а добуду лошадь. Хоть одну – для поганки. Потому что иначе я к концу нашего путешествия озверю, даже на болотной жиже гадать не надо! Сам чувствую, как зверю.

– С чего ты решил, что можешь так со мной обращаться?! Кто тебе позволил?!..

– Сиди уже... Никто не позволил! Давай ногу твою посмотрим, – пробурчал я, отмахиваясь от возмущенной малолетки.

Вот понаблюдал я за ней внимательно, и меня как обухом по голове. Девчонка она еще совсем.

Избалованная кем-то девчонка. Может, совсем мелкая, я в людях не очень разбираюсь. Правда, она что-то там про детей гор и неба говорила, но, может, это такой вид людей? Типа как гномы, только тощие и бледные? Очень тощие...

Ножка у поганки была маленькая, целиком в мою ладонь помещалась. Я сапжок с нее стянул и от души помянул всю троллеву родню по матери до пятого колена.

То ли надела изначально утром криво, то ли пока шла – нога вспотела и вывернулась. Но стерла она себе кожу на трех пальцах чуть ли не до мяса. А все туда же...

Первым делом развел костер, сбегал с котелком за водой, потом пошел нужные цветы искать и с лешими пререкаться. Один, старенький, сжалился, притащил из своих запасов ромашку с календулой. Так что запихнул я поганку больной ногой в миску с отваром, строго-настрога велел сидеть как прибитая, а сам пошел подорожник искать и яйцо сырое.

Вернулся – сидит. Лицо недовольное, словно не она себе сама все до мяса стерла, а неведома кикимора. Вынул, вытер, подорожник приложил, травинкой обмотал, из собранных яиц и остатков мяса тетерева мешанину яичную сварганил, пленку из-под яичной скорлупы на стертое место поганке приклеил, а засохший подорожник выбросил... Уф!

С братьями-сестрами младшими никогда столько не возился! А тут прямо нянька. Непонятно только, за что мне это счастье на голову свалилось. Вот чего меня на тех квакш

смотреть понесло?

♣Нашел бы ее кто-то другой...

И тут чахла эта таким странным, хрипловатым голоском выдала:

– Спасибо. Только ты молчи и не говори ничего. Ты такой милый, когда молчишь и обо мне
заботишься.

Я чуть не подавился! Закашлялся... Но говорить ничего не стал – не мог потому что. Вот сидел
такой у ее ног, любовался на тот беспредел, что она за один день пути устроила, обдумывал, надо ли
на ночь чем-то заматывать или так сойдет... и надо же! Милый... когда молчу. Вот хорошо не умер,
пока кашлял!

Ну а потом побрел дальше «ухаживать», потому что это хромое же еще и кормить надо! Правда, ела
она как птенчик, по сравнению со мной, так что кормить в первую очередь надо было меня.

Вот я и отправился добывать нам пищу. И только уже возвращаясь обратно, с заячьей тушкой в
руках, осознал, что улыбаюсь. Забавная она. Страшненькая, бледненькая, но забавная. И гонор этот
ее меня уже не раздражает, а веселит. И вообще... привык я к ней за сутки.

А когда она в спальном мешке ко мне прижалась и опять что-то про «милого и совсем не
страшного» мне прямо в грудь щекотно так профырчала, я совсем растаял. Погладил поганку по ее
пушистым волосам и от щедроты души даже имя ее вспомнил:

– Спи... Каарис.

Утром нога у чахлы выглядела гораздо лучше, чем вчера, но все равно надевать на нее сапог я бы
не рискнул. Снова все сотрет, или просто болеть будет. Кожа у этой пигалицы нежная больно. Не
знаю даже, как такое в горах могло вырасти! И ручки нежные, и вся она хрупкая. Каждый раз,
когда ветер чуть сильнее делается, я нервничать начинаю, что ее унесет. И ведь нет чтобы
радоваться!..

Может, ее к нам тоже ветром принесло? Иначе ж непонятно, как она до нас добралась. Босиком.
Ничего себе не стерев при этом.

Но только я приготовился устроить поганке допрос, как она опять меня огорошила. Я ж ее вчера,
считай, в младшие сестры записал, а она вдруг ногой своей у меня перед носом так крутанула... и

большим пальцем мне от плеча и по груди провела, нежно так, щекотно... совсем не по-сестрински оно вышло! А я еще про поцелуй внезапно вспомнил зачем-то. Ну и в лицо этой бледной немощи посмотрел, и прям внутри все полыхнуло!

Взгляд у нее такой был, что сразу все глупости про маленькую сестренку ветром выдуло. Нет, сестренки так уверенно-оценивающе не смотрят! Да так не каждая орчанка-то поглядеть умудрится. Ух, у меня сердце сжалось и потом застучало, словно не на поганку мелкую смотрю, а на Келду, например. Хорошо, что уже утро и нам дальше идти надо. Потому как, если б сейчас вот с таким настроением вдвоем в спальняный мешок, я б не выдержал!

Пока пигалицу на себе таскал и ночами к себе прижимал, выяснил, что грудь у нее все же есть. Небольшая такая, в пол моей ладони. И попа имеется, а не сразу из туловища тощие ножки-спиченки торчат. Только маленькое все, но и сама немощь не крупная же. Хотя у троллих грудь и попа наливные! Про орчанок вообще лучше не думать... Здесь же взгляд... и гонор!

В общем, после завтрака посмотрел я на это чудо бледное, вздохнул тяжело и посадил ее себе на шею. Все равно, считай, уже и так там сидит, зато денек нормально прогуляемся. К завтрашнему утру нога у нее пройдет уже, тогда сама поплетется. Мешок под ее ноги просунул, хотя она сначала отбивалась, потом хихикала, потом принялась меня душить – это она так держаться за меня решила, за шею. Чтобы мы точно никуда не дошли, так тут и померли оба. И еще толпу кикимор с лешими погубили – те от смеха бы лопнули.

– Сиди ровно, тогда не упадешь! Я мешок держать буду, ну и тебя заодно.

Ну и пошагал вперед, нормально, а не нога за ногу. И чего я раньше до такого не додумался? Чахла ж не весит почти ничего, мешок и тот тяжелее, по-моему. Сидит тихо, только иногда попискивает что-то восторженно. Красота ж!

Глава 9

Ка-арис:

Сама не знаю, что на меня утром нашло. Может, я просто привыкла уже к чудовищу настолько, что стала воспринимать его своим? Он так красиво смотрелся на коленях рядом со мной! И вообще был такой милый, такой заботливый, так переживал обо мне!
▲За двое суток мне даже начал нравиться странный цвет его кожи,

зеленовато-серый, как ветви моих любимых елей. Пах он, правда, как чудовище – вечерним лесом; шкурой пойманного на последней охоте дикого зверя, которую только-только начал обрабатывать скорняк во дворе замка; дымом костра... И самцом, озабоченным поиском самки. Мускусный запах возбужденного дикаря, от которого прямо в глазах мутнело, если принюхиваться.

Кожа у него была грубоватая, даже на груди. Не шершавая, а просто... жесткая, как ладони у отца или Тха-ариса. Когда я провела по его коже пальцами ноги, чудовище зажмурилось от удовольствия... И это было так мило!

А когда он посадил меня к себе на плечи и пошагал вперед по тропинке, быстро, уверенно, едва придерживая меня своими огромными ручищами, я поняла, что победила! И что теперь могу считать страшилище своим. Конечно, он не мой народ, но все равно – мой.

Он так резво шагал, сделав всего один небольшой перерыв на обед, что под вечер, еще до заката, мы вышли из леса. Но потом еще где-то с час шли по широкой дороге до высоких стен, ограждающих небольшой городок.

Почти у самых ворот дикарь все же спустил меня на землю. Хотя я уже приготовилась въехать по-королевски, сидя даже не на лошади, а на зеленом ручном монстре.

Вот только охрана у ворот при виде нас напряглась и отказалась пускать в город.

– Что значит «плата за вход»? А за выход у вас платы нет? – возмутилась я, пока притихшее чудовище пыталось понять, о чем вообще речь. – Вам не полагается взимать плату за вход! Сколько жителей в городе?

– Тебе-то какое дело, девка? – решил поспорить со мной один из охранников, тот, что помладше. А вот старший нахмурился и задумался. Правильно!

– Если вы нарушаете закон и берете плату за вход в город, в котором меньше ста тысяч человек, это еще простительно. Конечно, если вы при этом платите налог...

– Валите давайте, мой друг пошутил насчет оплаты, – процедил старший стражник и распахнул ворота.

Я гордо прошествовала вперед, таща за руку дикаря. Тот изо всех сил старался делать вид, что ничего интересного не происходит, но при этом крутил головой во все стороны,

иногда смешно
втягивая ее в плечи, буквально на несколько секунд. Потом гордо выпрямлялся и
снова делал вид,
что не видит вокруг ничего достойного его внимания.

– Денег у нас нет?! – шепотом поинтересовалась я, уже и так зная ответ. –
Значит, надо искать
ночлежку.

В каждом уважающем себя городе должна была быть хотя бы одна ночлежка – приют
для бедных
путешественников, у которых каждая монетка на счету. Так было заведено во всех
странах рядом с
нагорьем Звезда Драконов. И я очень надеялась, что рядом с Гномьим хребтом все
примерно так
же.

Неведомо откуда добытую моим чудовищем карту, которую оно с гордостью иногда
изучало, я тоже
уже покрутила в руках. Ледяные грани! Эта карта была старше меня, точно! Границы
стран на ней
были еще доисторические, в смысле очень-очень старые. Без учета последних
людских войн по
разделу земли, случившихся лет так триста-четырееста назад, как раз во время
великого
эльфийского исхода.

Я уже давно напрягла свою память – не зря же преподаватели пичкали меня и
историей, и
законами, и географией – и, главное, задействовала пространственное воображение.
Так что
теперь примерно представляла, куда меня занесло.

Я пересекла рукав Аза-аэйлин, всю Клаилию, Гномий хребет и упала в центре
Иостриума. Страны, в
которой когда-то давно жили эльфы. Ну вот, кроме эльфов в ней, оказывается,
водились зеленые
чудовища, называющие себя орками, и смешные ушастики, называющие себя троллями.

А у нас считается, что все человекоподобные, кроме людей и гномов, вымерли уже
давно.

Интересно, а шелки в Эйлизиварском проливе тоже еще существуют? Отец как-то
рассказывал о
них и о том, что те ведут летопись нашего мира. Вот будет забавно, если они на
самом деле не
исчезли вместе с эльфами, а так и живут в этом проливе, записывая все, что
происходит.

Мы с чудовищем словно поменялись ролями. Теперь я уверенно ходила по городским
улицам и
расспрашивала прохожих.

▲Человеческие языки в разных странах отличались незначительно, гораздо сложнее
было с

разнорасовыми. Но мне повезло, в Иостриуме почти все говорили на «людском», как и в Теспарии.

Так что я чувствовала себя почти как дома.

А вот дикарь хоть и старался сделать вид, что это он тут большой и страшный, но все равно ясно было, как город его пугает. Зато он оказался очень сообразительным и не вмешивался, пока я выясняла, как нам дойти до ближайшей ночлежки. И потом послушно шел рядом, только по сторонам озабоченно крутился и принюхивался, словно зверь.

Люди на мое чудовище посматривали хоть и с опаской, но не как на диво дивное. То есть орки здесь не редкость экзотическая. Едва меня озарило этой светлой мыслью, я поймала пробегающую мимо женщину, обменялась с ней вежливыми поклонами и словами приветствия, после чего поинтересовалась, не подскажет ли она, где еще водятся такие же большие и зеленые, как мой спутник. Может, в городе есть какой-то особый район или хотя бы дом для таких вот дикарей.

– А то ж! – обрадовала нас женщина. – Рядом с ночлежкой есть, для пришлых из леса. Туда всех пускают, и орков, и троллей. И гномы некоторые не брезгают, и эльфы попадают.

Я даже рот приоткрыла от удивления. Неприлично, конечно, но новость-то какая! Эльфы! Живые! Настоящие! У меня даже давящий постоянно где-то в груди тоскливый комок на время рассосался. Ну или размяк настолько, что я восторженно выдохнула. И само собой, несмотря на совет женщины пойти спать в обычную ночлежку, потому как там спокойнее, мы направились в заповедник для лесных обитателей. Я – на эльфов посмотреть, а чудовище мое – среди своих посидеть. Наверняка же ему со своими уютнее будет! Опять же, может, там его покормят, как своего?

Хотя, едва мы зашли в этот заповедник, стало ясно, что кормить нас здесь точно никто не станет.

Но зато здесь готовы были поить, причем всех, причем абсолютно бесплатно. И что-то мне сразу как-то расхотелось смотреть на эльфов и захотелось туда, куда нам добрая горожанка идти советовала. В обычную людскую ночлежку. Потому что бесплатная выпивка бывает только в мышеловке!

Глава 10

Синдр:

Мне в городе нужна была только лошадь, ну и, наверное, переночевать. Лес-то закончился, а чтобы

до нового добраться, надо еще час моим привычным шагом топать, а то и побольше. В темноте, да с чахлой на шее – опасно. В такое время не только лешие да кикиморы под ноги могут выскочить, но и кто пострашнее.

Хотя поначалу я даже про лошадь позабыл, так сбежать из этого странного места хотелось. Кругом камень, деревьев нет почти, зато люди вокруг, такие же чудные и мелкие, как моя немощь. Но, правда, не такие блеклые. Едой пахнет, но что-то мне подсказывало – даром тут не кормят, а монеток у нас с собой нет.

Завтра надо будет про цену лошади узнать и посоветоваться с кем-нибудь насчет работы. Лучше день потерять или даже два, но зато потом поганку на лошади везти. Все-таки на плечах ее тащить неудобно, хоть и не весит ничего. Просто случись что, опасность какая-нибудь, это мне ее скинуть надо, топор достать, рожу зверскую сделать...

А лошадей я пару раз видел. Так что по крупу хлопну – и помчится она вскачь, как лосиха или олениха какая-нибудь. И пигалица на ней. Сразу минус одна забота. А потом я их догоню, пробегусь с ветерком, разомнусь.

В людскую ночлежку поганка почему-то идти не захотела, пошла в лесную. Правильно, конечно. В лесной мы спокойно выспимся среди своих, а что там у этих людей на уме – не разберешь.

Кормить нас никто бесплатно не стал. Но сказали, что наверху есть комнаты с кроватями. Нам полагается одна на двоих, потому что чахла – человек и ей тут не место.

Вот ведь жабы болотные! Даром что городские...

Да я, между прочим, сам до сих пор сомневаюсь, человек чахла или кто-то еще. Зато четко видно ж, что девчонка. Значит, ей отдельное место надо!

Уж не знаю, чего меня вдруг так зацепило. В лесу вместе в одном мешке спали – и ничего, но тут прямо обидно стало за поганку. Ну да, мелкая, бледная, незаметная, но это ж не повод ее кровати лишать?!

Правда, как следует пошуметь мне сама поганка не дала, схватила за руку и потащила вверх по лестнице. Так что я только успел выкрикнуть напоследок, что нечего всех огульно человеками обзывать, если доказательств нету!

На втором этаже комнат было штук десять, не меньше, и в каждой – кровати, рядами, вдоль стенок. Свободных – ни одной!

На всех кто-то или спит, или сидит, или вещи чужие валяются. Еле-еле нашли вроде бы ничейную, только ложиться мне на нее совсем не хотелось! И пигалицу тоже перекривило всю, причем почти с самого начала наших поисков. Белье на этих кроватях серенькое и грязненькое, в комнатах пахнет невымытыми ногами и чем-то непонятным, сладковатым, типа шамановой настойки, которую тот пьет, когда с духами предков говорить собирается. Посмотрел я, как лохматый и бородатый мужик, вроде не леший, а кто-то другой, не просыпаясь, волосы на голове постоянно чешет, и сам зачесался.

Схватил поганку, вытащил ее в коридор и предложил:

– Давай в другую пойдём, ту, что для людей?

Чухла только вздохнула горестно и как-то виновато. Но пошла вслед за мной вниз. Только на последних ступеньках замерла, как зачарованная, и уставилась на парня в плаще и капюшоне. Он сидел один за столиком прямо у лестницы. Я бы его и не заметил – хрупкий, мелкий, и волосы такие же белые, как у моей пигалицы.

– Родня, что ли?

Ух как я обрадовался! Вот сейчас спихну ее своим, а сам обратно. Прочь из этого города, в родной лес. Подумаешь, ночь. Что я, по ночам не гулял, что ли?! Да и потом мне бы только полянку приглядеть приличную, костерок развести – и все, спать завалюсь.

– Эльф! – с восхищенным придыханием выдала чухла, так и не отрывая взгляда от парня. – Настоящий эльф!

Ну я эльфов никогда до этого не видел. Так что с чего вдруг поганка решила, что это тощее безобразие – эльф, не знаю. Только судя по запаху, это был эльфийский шаман. И встреча с духами предков у него планировалась такая... очень многодуховая. Потому как готовился он к ней очень старательно, заливаясь огромными кружками.

Но чухла или не заметила, что ее эльф уже на живых вряд ли отреагирует, или ей наплевать на это было. Она спустилась, подошла к столику этого шамана, уселась со своей обычной уверенной

мордочкой, словно ей все вокруг должны, и принялась сверлить взглядом этого несчастного.

– Пойдем, нам пора! Мы же решили свалить отсюда, – напомнил я пигалице, дергая ее за руку со стула.

Но тут ко мне подбежал мальчишка-тролленок и всунул в руки большую кружку. Побольше даже, чем у эльфа.

– Хозяин угощает! – протараторил он быстро. – И закуску сейчас подаст!

Я обернулся и встретился взглядом с внушительных размеров угрюмым мужиком. Он стоял за длинным ограждением, которое чахла назвала стойкой. А у него за спиной рядами красовались бутылки с непонятными жидкостями. И две огромные бочки с краниками. Пока мы из-за кровати ругались, я к этим бутылкам не приглядывался, а вот к бочкам принюхаться слегка успел. Шаманская настойка там была, крепкая! И в кружке у меня пенилась точно такая же, пахнущая сушеными клопами и забродившими фруктами.

Я отрицательно помотал головой и поставил кружку на стол. Настойки – дело такое, у абы кого пить опасно. Одно дело бабка моя, там понятно, что и клопы нажористые, и фрукты свежие кидались, и травки правильные добавлены, а не яд какой-нибудь.

– Какой ты... красивый... большой... – внезапно подал признаки жизни эльфийский шаман. – Тут таких, как ты, уже давно не было!

– Правильно, делать нам больше нечего, только в городах торчать, – пробурчал я и снова осторожно подергал чохлу за руку: – Пошли отсюда!

Но поганка уперлась, вцепилась в стул и глазами поедала эльфа, словно чудо какое-то. Вот что она под тем капюшоном разглядеть умудрялась?

Тут я почувствовал, что за нами, кроме хозяина и тролленка, наблюдают еще двое. Остальным-то в зале на нас плевать, а вот эти четверо следили, и очень внимательно. И последние двое тоже были в плащах и в капюшонах, только впечатления хрупких немощей не производили.

Ежей им всем под зад, с чего вдруг к нам такой интерес?!
▲— Этот дикарь вам мешает, госпожа?

Я чуть не подпрыгнул... от удивления! Вот только что эта парочка сидела через три столика от нас

– и вдруг они оказались рядом с нами и смотрят на немощь с тем же восхищением, с

каким та – на
эльфа.

– Нет, он провожает меня домой, – гордо так объявила поганка и наконец-то соизволила оторвать свой зад от стула. – Я позволила ему считаться на это время моим подданным.

Тут уж меня от возмущения скрутило, но высказаться я не успел.

– Далеко же вас занесло от дома, госпожа, – с сочувствием протянул тот же, что спрашивал про дикаря.

А у меня внезапно в горле пересохло, потому что я пригляделся к этим двоим и... так ногами к полу и присос. Вот уж кого никогда живыми раньше не видел и еще б до самой смерти не встречал! Зато страшилок о них в детстве наслушался... Говорили, что раньше они в наш лес похаживали, но потом пропали куда-то, вместе с эльфами и драконами.

Только не пропал никто! Взгляд, как у змеи, и клыки, только на верхней челюсти, а не на нижней. Небольшие, но острые... Кикиморы их свари! Хотя это ж нежить... несъедобные они!

Глава 11

Ка-арис:

Вот уж никогда бы не подумала, что встречу в Иостриуме вампиров! Но они даже меня узнали, мою суть, потому что вежливо поклонились и предложили свою помощь.

Я погрузилась в светскую беседу и на какое-то время даже позабыла, где именно мы находимся. словно перенеслась в недалекое прошлое, вычеркнув кошмар последних дней.

Но пока я отвлеклась, мое чудище, мрачно сидящее напротив, умудрилось сделать пару глотков того странного напитка, которым его угостил хозяин этой ночлежки. Точно не благородное вино, а дрянь какая-то!

И... Ледяные грани, не знаю уж, что за яд там был, только мое страшилище стало таким же безумным, как и заинтересовавший меня эльф!

Я еле успела выхватить у него из-под носа кружку и вылить оставшееся содержимое на пол.

– Позволила она! – возмущенно выкрикнул в это время Синдр, совершенно неясно к чему. – Подданным! – продолжил он, гневно раздувая ноздри. Только по этому слову я сообразила, какая

именно фраза его так задела. А ведь после нее мы уже обменялись множеством других, за двадцать-тридцать минут разговора. – Да ты мне много раз сказала, что между нами ничего не будет, потому что ты дитя гор и неба, а я лесной дикарь! Так вот! Я пошел обратно, к своим. О тебе и без меня есть кому позаботиться.

Выдав все это, злющий монстр вылетел из ночлежки, при этом так хлопнув дверью, что стаканы на ближайших к выходу столах звякнули.

Мы все замолчали. Лично я – от растерянности и странной смеси страха и злости. Детская какая-то выходка, озадачившая и поставившая меня в... глупое положение. Я вроде как официально признала, что это дикое чудовище – мое, и тут оно устраивает скандал, словно... Неприлично, ужасно! Такая сцена в присутствии существ, знающих, кто я и какую честь оказала этому дикарю!

Но... главное было даже не это.

– Какой он... горячий! – внезапно прервал тишину эльф, а потом встал и, пошатываясь, вышел вслед за моим... вернее, уже не моим монстром.

А я все пыталась понять, почему Синдр так разозлился. Ладно бы просто обрадовался тому, что есть на кого переложить заботу обо мне. Это было ожидаемое поведение... для дикаря. Он ведь с самого начала собирался довести меня лишь до ближайшего города.

И то, что мне померещилось... показалось, что он вдруг передумал... это просто потому, что я расслабилась и перестала видеть в нем неотесанного лесного варвара. Зря!

Вот только непонятно, как мне теперь добираться до Драконьей Звезды.

Вампиры, конечно, настоящие аристократы, но вряд ли ради меня изменят свои планы. А мне надо поскорее домой! Как можно скорее... К тому же после того, что случилось с отцом, я не готова доверять кому-то, кто может быть в этом замешан. Тем более вампирам. Они же любители влезть во всевозможные интриги. Мало ли что могло произойти между их верхушкой и моей семьей?!

Так что придется опять наступать гордости на горло и идти искать этого вспыльчивого дикаря. Он мне нужен!

Извинившись за поведение своего спутника, я попрощалась и вышла на улицу. Была темная ночь,

но, к счастью, я прекрасно видела в темноте. Вот только страшилище уже успело куда-то скрыться.

И эльф – тоже.

Исчезновение эльфа меня очень насторожило, потому что передвигался он не очень уверенно и далеко уйти просто не мог.

Сначала я, даже не задумываясь, прошлась по двору, прислушиваясь и внимательно присматриваясь. Но, как раз когда я услышала какие-то подозрительные звуки в одной из пристроек, а потом, подкравшись поближе, разглядела хозяина ночлежки, разговаривающего с такими же жуткими громилами, как и он сам... неожиданно вспомнила, что в случае опасности не обернусь в дракона. Я – слабенькая девчонка, пристукнуть которую сможет любой, кто пожелает. А если вдруг во мне начнет просыпаться магия и при этом я не смогу сменить ипостась, то умру... Я... умру... от собственной магии!.. Смешно.

Вот только вместо того, чтобы бежать обратно, под защиту вампиров, я тихонечко покралась по тропинке, потом занырнула в кусты и, прижавшись к стене пристройки, мелкими шажками добралась до двери. Мне хотелось не только подслушать, о чем они разговаривают, но и посмотреть, что там вообще происходит.

И... лучше бы я этого не делала! У меня внутри все заледенело, словно одна из величественных граней, оружие и защита нашего рода, внезапно пронзила меня насквозь!

Громилы торговали живым товаром!

Нет, я знала, что подобное существует! Знала, что люди часто обращаются с пленными, словно те – их собственность. Знала, что вампиры иногда меняются своими... эм... любимцами. Знала, что в пещерах Гномьего хребта многие трудятся совсем не добровольно. Только одно дело – услышать об этом совершенно случайно, проходя мимо или стоя рядом и тут же старательно забыв. Совсем иное – подслушать, затаившись в темноте в нескольких шагах от тех, кто этим занимается, находясь в слабой человеческой ипостаси и не имея возможности вмешаться.

Безумную идею вылезти и предложить преступникам денег я отвергла сразу. Им уже вот-вот кто-то должен был заплатить, а я прекрасно знала такой тип существ. Они предпочтут получить одну монету, но сейчас, вместо десяти, но завтра. И даже если я смогу убедить их, что у меня действительно есть возможность заплатить пусть не за всех, а только за одного...

Все равно...

Внезапно я поняла, что сомневаюсь потому, что мне страшно. Страшно сделать эти несколько шагов, отделяющих меня от трех огромных мужчин. Как-то позорно быстро я растеряла свою уверенность! Но когда все же решилась хотя бы попробовать поторговаться, троица захлопнула дверь в пристройку и пошла к воротам. Очевидно, пришел покупатель...

Времени у меня было очень мало. Критично мало... и сил – тоже. Но замок оказался магическим! Наверное, в мире людей это было правильно. Умельцев вскрывать любые засовы или просто силачей, способных вынести дверь с петель, тут найти проще, чем мага. Или дракона... Зато против меня магические замки бессильны!

Я приоткрыла дверь, просочилась внутрь и огляделась.

Ледяные грани! По всей пристройке валялись тела в магических путах! Высокие, сильные мужчины разных рас, причем все опоенные тем же самым ядом, который пил эльф и глотнул Синдр.

Сначала я пыталась найти свое чудовище, а потом принялась сдирать путы со всех, кто попадался мне на пути. Не потому, что очень хотела спасти всех, нет! Это были не мои подданные, и я не обязана была о них заботиться... Но мне нужны были те, кто позаботится обо мне. Те, кто отвлечет внимание и... да, возможно, пострадает при этом. Зато они вновь были свободны, пусть и ненадолго. Но, может быть, кому-то повезет?

Они все были очень слабы, плохо понимали, что происходит, путались у меня под ногами, говорили какую-то невнятную чушь... однако большинство, медленно, пошатываясь или вообще ползком, выбиралось во двор. И кто-то уже догадался устроить шум... Может быть, городская стража придет на помощь?!

Мой дикарь нашелся довольно быстро. Эльф валялся рядом с ним и, по-моему, просто спал. А вот Синдр...

♣— Его стукнули чем-то тяжелым, госпожа. Прямо по затылку. Много крови, – прошептал возникший практически из пустоты вампир. Я не стала оборачиваться – отвратительное зрелище, хотя лицо, скорее всего, скрывает капюшон. Кровь пробуждает в вампирах животные инстинкты, даже в древних.

– Он – мой подданный, – уверенно произнесла я, сжав кулаки, чтобы чувствовать себя сильнее.

– Мы не выпьем его целиком, – в голосе вампира слышалось... нет, не сочувствие, но намек на понимание и уважение. – Зато вынесем вас отсюда в лес.

– Тогда и эльфа тоже. – Я закрыла глаза, смиряясь с не очень приятным решением. Просто... у меня не было другого. Здесь было опасно, а тот, кто должен был оберегать меня от опасности, лежал у меня под ногами без сознания.

– Хорошо. – Усмешку вампира я не увидела, но услышала.

В ту же секунду меня подхватили на руки, и я зажмурилась, чтобы не видеть, как мелькают перед глазами дома, деревья, поле вдоль дороги, деревья...

– Ждите, госпожа...

Эльфа швырнули рядом со мной спустя несколько минут, а вот чудовище... Я уже успела испугаться за него, ощутить чувство вины, разозлиться на свою беспомощность. А когда была близка к тому, чтобы расплакаться от бессилия и безысходности, тело Синдра бережно опустили мне под ноги.

– Благодарю за помощь. А где ваш друг? – произнесла я, вытерев пару предательских слезинок. И попыталась натянуть на лицо маску непринужденного спокойствия.

Конечно, я с самого начала была уверена, что все будет хорошо. И доверяла заключившему со мной соглашение вампиру. Он же не рискнул бы меня обмануть, ведь я – дракон!

– Мы закончили наше совместное дело, и наши пути разошлись. Мой знакомый пошел своей дорогой, а я решил проследить за вами.

– Это было правильное решение. – Я натянула на лицо подобие улыбки. – Какие у вас дальнейшие планы?

Главное, не начать его умолять остаться с нами до рассвета, чтобы дать мне спокойно выспаться. Я настолько устала, что готова уснуть прямо на земле...

– Да, кстати, госпожа, это же ваши вещи? – Мужчина с улыбкой протянул мне топор моего чудовища и его походный мешок, а потом скинул с головы капюшон.

Это был знак доверия, и я его оценила, уважительно поклонившись. Конечно, драконы сильнее и

физически, и магически, но у вампиров тоже множество достоинств, поэтому мы стараемся поддерживать нейтралитет. Мы вообще со всеми стараемся его поддерживать, но с большинством – просто потому, что так удобнее. А с вампирами – потому, что исход сражения не всегда предрешен, а вот сотрудничество всегда взаимовыгодно.

Ледяные грани... наш спальник! Еще бы костер развести – и я бы была совсем счастлива. Хотя сейчас мне хватит и теплой шкуры. Правда, про дальнейшие планы мне так и не рассказали, но уже было все равно.

– Спокойной ночи, госпожа. Я разбужу вас перед уходом.

– Спасибо, – проговорила я, быстро залезая в теплый уютный мешок чуть ли не с головой. И уснула, сразу, как только закрыла глаза.

Глава 12

Синдр:

Проснулся я очень резко и как-то неправильно. Тело ноет, голова болит, во рту – словно бабкиной мушиной настойки перепил.

И тут я вспомнил! Да чтоб их всех горные тролли порвали... Ведь точно, перепил. Только не бабкиной, а той самой, которой меня от чистого сердца хозяин всей этой забегальни угостил. А потом я еще пигалице высказался, потому что это ее снисходительное «мой подданный» за живое задело. Тоже мне, придумала!..

Хотя вот сейчас, на больную, но выпавшуюся голову, я никак не мог понять, с чего вдруг настолько разозлился. Ну да, был повод огрызнуться, но ведь я ее... хлопнув дверью, на вампиров бросил!

▲И что потом было – не помню.

Во двор выскочил вроде... Да, точно! Ночь, звезды, забор прямо передо мной, а потом... сзади, за спиной, хруст ветки под чьими-то ногами, я поворачиваюсь... и все!..

– Очнулся наконец-то? – поинтересовался кто-то из темноты. Я привстал, пригляделся и прям так на попе в сторону и отпрыгнул. Хорошей я компанией обзавелся, пока без сознания лежал!

– Да не волнуйся ты так, я уже сытый.

Успокоил! И главное, как назло, топора под рукой нет... Пропал топор!

– Ты хоть помнишь, что с тобой было?

– По голове кто-то тяжелым сзади стукнул, – процедил я, нащупав рукой в темноте подходящую дубину. – И если это ты, клыкастая образина...

– На себя посмотри, – рассмеялся вампир и... исчез! И тут же меня кто-то по плечу похлопал. Резко развернувшись, я замахнулся дубиной, но... тварюга опять исчезла, чтобы снова постучать меня по спине.

– Ладно, поразвлекались – и хватит, – объявила клыкастая сволочь, когда я все же умудрился целых два раза заехать по нему палкой. Только сам я к тому времени был злой и уставший, словно полдня бежал с тяжелым грузом на плечах.

– Тебя хотели гномам продать, в пещеры. И если бы не драконица, то рассветов тебе больше не видать. А так вот-вот полюбишься, как солнце восходит.

– Какая драконица?

Эльфа помню, вампиров помню, тролленка с кружкой, чтоб его кикиморы сварили, помню...

– Ты что, не знаешь? Забавно! Ладно, у меня с солнцем сложные отношения, мы друг друга не любим. Так что пойду в тенечке прилягу, а ты сиди тут, охраняй. Можешь еды добыть, а то скоро твоя спутница проснется, голодная... как дракон!

И, сам рассмеявшись своей странной шутке, клыкастый весельчак опять исчез. Наверное, тенечек искать побежал.

Пока мы развлекались, я успел вокруг оглядеться. Так что уже заметил и чахлу, нагло сопящую в моем спальном мешке, и похрапывающего белобрысого тощего хмыря рядом с ней, накрытого плащом. И то, что эти придурки костер развести не додумались, так что сейчас проснутся и начнут зубами боевые марши выстукивать. Я-то, пока с дубиной крутился, согрелся так, что даже вспотел!

Обойдя полянку, я здраво предположил, что раз мой спальник тут, значит, и остальное где-то поблизости валяется. Ну и точно, нашел! И запасы свои, и топор... И даже ручеек поблизости обнаружил.

Так что, когда поганка завозилась, просыпаясь, я уже и костер развел, и мешанину

из яиц
сварганил, и отвар на травах замутил, бодрящий.

– Синдр?! Ты очнулся!

Немощь, конечно, слабенькая и тощая, но когда она с разбега напрыгивает и за шею душишь
начинает, то на пару минут дыхание перехватывает. Особенно если она при этом еще
и целоваться
лезет... Так, как привыкла... Чтобы прямо раз – и из глаз искорки, а в голове туман.
К тому же моей
голове сейчас много и не надо.

– Уф! Ну ты меня и напугал! Не смей так больше делать!

Едва чахла нацеловалась, она принялась меня отчитывать, громко и со всей своей
самоуверенностью.

– Как?! Ты первая начала...

– Я тебя признала своим подданным! А ты напился какой-то дряни, нагрубил мне и
сбежал. Бросил
меня, хотя обещал довести до дома. Тебе стыдно должно быть!

Ну... мне на самом деле и было стыдно. Только не говорить же об этом поганке? Она
вон опять
разбушевалась не по делу. То есть по делу, конечно, но... тут вопросов куча, не
понятно ничего, а
она меня отчитывает словно мальчишку.

▲– Вот я тебя не бросила! – гордо заявила пигалица, задрав нос кверху. – И
эльфа еще спасла. За
компанию.

– Лучше бы ты лошадь какую-нибудь спасла, – пробурчал я, покосившись на еще одно
белобрысое
недоразумение. Мало мне поганки, так теперь вторая немощь на мою голову!

– Знаешь что... вот про лошадь я меньше всего думала, когда тебя в сарае искала,
среди таких же,
как ты, упившихся ядом. И если бы мне не помогли тебя оттуда вынести, даже
думать страшно...

– Выходит, это не ты меня спасла, а кто-то другой?! – подколот я поганку,
стараясь не заводиться
снова на пустом месте. Ну да, глупостей натворил и в беду вляпался, как в
трясину, по уши.

Пока, правда, не очень понял, в какую именно... но картинка постепенно уже
складывалась.

Во дворе меня по голове оглушил кто-то. А потом чахла уже в сарае нашла, среди
таких же
оглушенных. Значит, переживала, искать отправилась. Причем не одна, а с кем-то в
компании, раз

потом тот меня из сарая вытаскивал.

– Да если бы не я, этот другой палец об палец бы не ударил ради тебя! – пробухтела в это время пигалица. – Дети неба и гор своих подданных не бросают!

Посмотрел я на это дите, и что-то мне ее так жалко, бедную, стало. Сидит, глазищами в пол-лица сверкает, губки бледные от злости сжала, бровки нахмурила. Смешная, сил нет! Вот орчанку в таком настроении я бы по кривой дуге обошел, а это чудо на руки подхватил и прямо в пушистую макушку поцеловал.

– Ты лучше скажи, что тут вампир делал?

Вот уже когда вопрос задал, внезапно понял, что ответа услышать не хочу. Потому что как-то оно все одно за другим хорошо уж больно складывалось. Я ее оставил мило беседующей с этой нежитью, о которой у нас до сих пор детям страшилки рассказывают. И спасти меня она не одна пошла, а потом утром я об вампира споткнулся... Вот ведь тля болотная! Это ж получается, что нежить вместе с немощью мне жизнь спасли?!

– А он ушел? – Судя по голосу, поганка расстроилась. – Я же его даже поблагодарить как следует не успела.

– А было за что?

Ну глупо же от правды бегать. Какая разница, кто меня спас и по какой причине? Спас же... И если это был вампир на пару с какой-то драконицей... Уф!

Я и так-то не всегда быстро соображал, а сегодня ну прямо тугодум из тугодумов!..

– Ты мне лучше на другое ответь, только честно. Это вот твое «дитя гор и неба», оно ж неспроста? То есть драконы не вымерли? И ты... ты знаешь, где они живут, верно?!

Что-то я в последний момент струхнул немного прямо вот в лоб спрашивать, дракон она или нет. Решил плавно так, мягко. Потому что ну какой из поганки дракон? Кикиморам на смех! Скорее, пока я в отрубе валялся, дракон мимо пролетал и меня из сарая по знакомству вынес. Вот такое на правду похоже, а главное, вампир совсем ни при чем!..

– Знаю, – поганка внезапно порозовела вся и глазки опустила. А у меня внутри предчувствие очень нехорошее начало зарождаться, что все же подозрения изначально были

верные. Моя
пигалица – вымерший летающий монстр. После вампиров мне только этого на большую
голову не
хватало!

– Мы туда и идем... к драконам. Ко мне домой идем.

– А чего та драконица тебя с собой не забрала? Ну та, что меня из сарая вынесла?
– Надежда
решила последний раз попытаться вякнуть, прежде чем ей рот болотной жижей
заткнуло.

– Вампир тебя из сарая вынес. Потому что я попросила. И оплату с тебя за это он
уже взял. А
драконица... Драконица – это я!

И тут у чахлы за спиной вторая моя бледнолицая обуза, уже начавшая шевелиться и
просыпаться,
издала какой-то не очень членораздельный звук и снова шмякнулась головой оземь.

Хиленькие у эльфийского шамана нервы оказались. Не выдержал, бедолага... То ли
дело я!

– Ты?! Драконица?! Так какого?.. Чего мы ползли всю дорогу как улитки? Какого... я
тебя на себе
пер?! Чего ты не летаешь, а плетешься, да еще и еле-еле? Драконы – они ж... Мощь!
А ты... ты... Ты
♣ж поганка мелкая... какой из тебя дракон?! Не выдумывай!

Глава 13

Ка-арис:

– Ты же поганка мелкая! Какой из тебя дракон?!

Ледяные грани... как мне после этих слов больно стало, не передать. Сразу все
разом навалилось –
и то, что дракон я и правда слабенький; и то, что трусливо сбежала от проблем и
забот; и то, что
обернуться никак не могу... и...

Нерушимая вера в то, что я доберусь до Звезды Драконов и снова вспомню, как
обращаться, сильно
покачнулась. А если больше никогда?.. Если так и останусь беззащитной слабенькой
человеческой
девушкой? Если...

– Да не реви ты! Не реви только...

– Я и не реву!

– Как же не реवेशь, если всхлипываешь и слезы по щеке катятся?

Синдр, внезапно снова ставший добрым и ласковым, провел пальцем по моему лицу и

даже показал
неопровержимое подтверждение тому, что я и правда плачу.

Как только чудовище принялось разоряться о том, какой из меня плохой дракон, оно опустило меня на землю. И теперь мы стояли друг напротив друга, то встречаясь взглядами, то изучая траву под ногами или елки с соснами вокруг поляны.

– Это от злости! Потому что ты – тупица и дикарь! Ничего не понимающий...

Едва удержалась, чтобы ногой от гнева не топнуть. Глупая детская привычка, с которой я боролась очень долго. И вроде бы победила, научилась говорить спокойно и уверенно, но сейчас снова захотелось закричать, затопать ногами и... швырнуть еще чем-нибудь в этого болвана!

– Знаешь... ты это... ты прости... я насчет дракона сгоряча ляпнул. Ты – хорошая. С придурью, конечно...

– Я?! Я с придурью?! Да это ты...

– Только не реви, ладно?!

А я уже не ревела, а злилась. Так, как хотелось. Позабыв обо всех вдолбленных с детства правилах. Всхлипывала, топала ногами, стучала кулаками по этому чурбану бессовестному...

И, странное дело, вскоре мне стало легче. Чурбан еще и обнял меня, покрепче, чтобы мне было труднее по нему стучать.

– Ты меня бро-о-о-осил! Одну-у-у-у! Га-а-а-ад! Преда-а-а-атель! А я... я тебе... пов-е-е-ерила!

Уф... последний раз я так отрывалась лет в семьдесят, может в восемьдесят. Потом уже стыдно было настолько сильно раскрываться, даже перед отцом, не то что перед матерью или сестрами! И при Тха-арисе я никогда ничего подобного не позволяла, хотя воспринимала его как старшего брата, пусть и зная всегда, что он станет когда-нибудь моим мужем.

А сейчас мне почему-то было уже все равно, что там обо мне подумает чудовище, потому что... потому что хуже, чем он уже обо мне думает, все равно не надумается!

– Из меня плохой дракон, а ты предатель! Ты...

– Все, чухла, угомонись. Я же извинился! И не бросил бы я тебя, вернулся бы... если бы мне по затылку чем-то тяжелым не приложили. Ты ж не одна-одинешенька, а с вампирами

своими
оставалась и вон с этим... белобрысым.

Тут я обернулась и встретилась с заинтересованным взглядом самых красивых глаз, которые я когда-то видела! Большие, чуть вытянутые к вискам, синие, как небо. Идеально очерченные губы, высокие четкие скулы, тонкий с едва заметной горбинкой нос, чуть приподнятые брови и удивительно пышные ресницы.

– Зелененький, ты неотразим! – объявило это потрясающе красивое создание... глядя на мое чудовище. – Такой фактурный, такой горячий!.. Только непонятно, почему мы все в лесу?!

▲— Город там! – махнул рукой Синдр в сторону тропинки, извиляющейся между елок и сосен вниз, к большой утоптанной дороге.

Полянка, на которой мы устроились, была за небольшим пригорком и очень удачно пряталась за деревьями. Если не приглядываться, то и не заметишь.

А вот нам всем было прекрасно видно, как по дороге ехал обоз, телег в десять.

Я посмотрела на свое хмурое чудовище, вспомнила его брзжание про лошадей и, отряхнув одежду, решительно пошагала по тропинке вниз.

Охраняющие обоз мужчины даже не попытались меня остановить, решив, что я не опасна.

Ледяные грани! Как они были сейчас правы и как же сильно заблуждались. Даже небольшая изящная драконица, в которую я совсем недавно могла обращаться, за пару минут превратила бы их всех в ледяные скульптуры. Конечно, я никогда бы так не поступила без причины. Но насколько же проще общаться, когда уверена, что ты сильнее всех. Ты – дракон!..

– Чахла, куда тебя понесло!..

Чудовище кинулось вслед за мной почти сразу, но охранники, не слезая с коней, окружили его плотной стеной и предупреждающе выставили вперед копыта. И так как мне вроде бы пока ничего не угрожало, Синдр спокойно стоял и ждал. Только двух особо настырных от себя отодвинул... Вот так прямо за копыта взял и от себя оттолкнул. Один сообразил и отъехал, а второй на землю свалился, но в драку почему-то не полез, а в сторону отошел. Хотя ругался при этом громко и разнообразно.

Я за всем этим лишь краем глаза наблюдала, потому что действовать надо было

быстро, пока во мне
решительность от былой уверенности бурлит.

К счастью, глава обоза ко мне сам подошел, даже искать и подзывать не пришлось.

– Меня зовут Ка-арис, а его – Синдр. Мы идем к Гномьему хребту. Денег у нас нет,
но Синдр –
сильный.

– Вижу, что сильный.

Мужчина с улыбкой покосился на мое чудовище. Огладил короткую, ровно
подстриженную бороду
и потом провел ладонью по волосам, убирая их с лица.

Если он не из долгоживущих, значит, уже перешагнул за половину отведенных ему
лет – седины в
когда-то темных волосах было очень много, и морщины по всему лицу – на лбу, в
уголках рта и
глаз, между бровей... Нет, он еще не был стариком, но уже достаточно долго пожил.

И то, что он не разучился улыбаться, было хорошим знаком. По крайней мере, мне
очень хотелось
так думать. Я уже готова была искать хорошие знаки повсюду, только бы быстрее
оказаться дома.
Только бы скорее снова стать драконицей!..

И... внезапно у меня в животе все скрутилось в тугой холодный комок липкого
страха... Только бы
дома все было хорошо!

– Мы очень торопимся! – Когда было нужно, я умела не только приказывать, но и
просить. Правда,
всегда зная, что мне не посмеют отказать. Конечно, если это не родители или
сестры. Но сейчас я
просила у человека и прекрасно понимала, что мы с чудовищем для него лишь обуза.
Я – обуза...
Ледяные грани, как непривычно и обидно.

– Я могу пообещать вам много денег и поддержку детей гор и неба, но все это
будут лишь слова,
пока мы не достигнем нашей цели, – добавила я негромко. О вознаграждении надо
говорить лишь с
командиром, а уж он потом сам будет решать, себе все оставить или своим людям
раздать.

– Поддержкой детей гор и неба не разбрасываются. – Мужчина внимательно оглядел
меня,
почему-то хмурясь все больше и больше. – Тебе найдется место в последней телеге.
А твоему другу
придется идти пешком.

Я согласилась, даже не раздумывая. Обоз – это не отряд всадников, он движется
неспешно, а как

быстро и долго может идти Синдр, я вчера оценила.

Мужчина подал знак охранникам, и те опустили копья, пропуская ко мне мое чудовище.

В несколько шагов преодолев разделяющее нас расстояние, дикарь мрачно посмотрел на главу обоза, потом на меня, затем – на цепочку телег, выстроившихся друг за другом. И пробурчал:

– Надеюсь, они будут ехать быстрее, чем ты плетешься...

▲Я уже приготовилась достойно ответить этому вечно всем недовольному, как вдруг по тропинке стремительно сбежал позабытый нами эльф:

– Эй, зелененький! Я тут подумал и решил, что тебе нужна настоящая мужская компания!

– Он издевается? – хмуро процедил Синдр. – Только его мне для полного счастья и не хватало...

– Этот... странный нечеловек тоже с вами?

А вот глава обоза, похоже, искренне развеселился при виде эльфа.

Пришлось виновато потупить глазки и изобразить на лице что-то похожее на сожаление. Хотя я уже поняла, что реальность и мои детские фантазии о представителях одной из почти исчезнувших высших рас очень сильно отличаются. Мало того, я уже успела позаботиться об этом красивом, но слегка безумном создании и спасти его от участи раба. А Синдр даже показал ему, куда идти, чтобы попасть обратно в город.

Так что тащить его с собой не было никакой необходимости, кроме моего необъяснимого каприза.

Почему-то очень хотелось показать это чудо сестрам и... ну да, позаботиться о нем, точно! Все-таки

раса же почти исчезнувшая, вымирающая, так же, как и мы. Значит, нам надо держаться вместе.

Хороший ведь аргумент? Благородный... И... Синдр так смешно напрягается, когда эльф зовет его «зелененьким»!

– Хорошо, подумайте до вечера, какая от него может быть польза... А пока он может ехать с тобой, на последней телеге.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://www.litres.ru/irina-smirnova-17130874/trollya-poganka/>